

ЦЕНУЖНАЯ
ЖЕНА
ДРАКОНЬЕГО
ГЕНЕРАЛА

ЛИССБЕТ КОТЦОВА

Лиссбет Котцова

Ненужная жена драконьего генерала

<https://litres.ru/74432488>

Аннотация

Я умерла под колёсами машины — и очнулась в теле женщины, которую здесь проклинают даже слуги.

Меня зовут леди Элиана Морвейн. Я жена северного генерала драконов. Изменница. Отравительница. Женщина, из-за которой погибла его сестра и едва не умер маленький наследник.

Муж смотрит на меня так, будто уже выбрал место для моей могилы.

— Через три дня ты подпишешь развод и отправишься в монастырь, — говорит он. — Если доживёшь.

Но ребёнок снова задыхается от чёрной лихорадки. Придворные лекари разводят руками. А я помню запах антисептика, бессонные смены и то, как вытаскивала людей с того света.

Я спасу мальчика. Раскрою, кто на самом деле травит этот дом. И докажу дракону, что его ненависть была удобнее правды.

Только вот чем ближе я к разгадке, тем страшнее понимаю: прежняя хозяйка этого тела была не жертвой. И не чудовищем. Она знала тайну, за которую теперь убивают меня.

Содержание

Глава 1. Чужая вина	4
Глава 2. Чаша с ядом	16
Глава 3. Восточная дверь	28
Глава 4. Чужое лицо	40
Глава 5. Тело, которое ещё дышит	51
Глава 6. Изнутри	62
Глава 7. Сестра по смерти	73
Глава 8. Голос из двери	84
Глава 9. Моё лицо	94
Глава 10. Ладонь изнутри	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Глава 1. Чужая вина

Первое, что она почувствовала, — холод.

Не тот привычный больничный холод, когда под утро в ординаторской перестаёт греть батарея, а из автомата льётся кофе цвета старой йодной настойки. Нет. Этот холод был каменным, сырым, чужим. Он лежал под щекой, впивался в кожу, забирался под рёбра и будто шептал: ты здесь лишняя.

Марина попыталась открыть глаза.

Не получилось.

Веки были тяжёлыми, словно на них положили мокрые бинты. Во рту стоял привкус железа и горьких трав. Где-то рядом капала вода. Раз. Раз. Раз. Медленно, с издевательским спокойствием.

Она помнила визг тормозов. Белый свет фар. Чёрное пятно на асфальте. Собственные пальцы, скользнувшие по ручке медицинской сумки.

А потом — ничего.

Я умерла, — подумала она с удивительным спокойствием.

Но мёртвым, насколько ей было известно, не бывает так холодно.

Марина дёрнулась — и вскрикнула. Запястья обожгло болью. Она всё-таки открыла глаза и увидела над собой низкий потолок из серого камня. На стенах дрожали отблески факелов. Руки были связаны грубой верёвкой перед собой,

тонкая кожа под ней содрана до крови.

Тонкая кожа.

Не её.

Марина замерла.

Пальцы были длиннее, изящнее. На безымянном — тяжёлое кольцо с чёрным камнем, внутри которого будто шевелилась тлеющая искра. Ногти — ухоженные, но сломанные. Рукава платья — не больничный халат, не куртка скорой помощи, а тёмная ткань, расшитая серебром, теперь порванная и испачканная грязью.

— Очнулась, — сказал кто-то.

Голос прозвучал над ней сухо, без капли жалости.

Марина повернула голову. У двери стояла женщина в строгом сером платье. Седые волосы были убраны так туго, что лицо казалось каменным. В руках она держала связку ключей.

— Где я? — спросила Марина.

Голос тоже оказался не её. Ниже, мягче, с хрипотцой. Красивый голос женщины, привыкшей отдавать приказы или лгать.

Старая служанка усмехнулась.

— В подземелье, миледи. Где вам давно место.

Марина попробовала сесть. Комната качнулась. В затылке вспыхнула боль, и на мгновение перед глазами расплылось всё: факелы, камень, лицо старухи.

— Послушайте, — выдохнула она, цепляясь за остатки

здорового смысла. — Я не понимаю, что происходит. Мне нужна вода. И зеркало.

— Зеркало? — служанка шагнула ближе. — Чтобы полюбоваться, как хорошо выглядит предательница перед ссылкой?

Слово ударило сильнее, чем холод.

— Какая предательница?

Служанка побледнела от злости.

— Не смейте притворяться. Не сегодня.

За дверью слышались шаги.

Не спешные. Тяжёлые. Ровные.

Так ходят люди, которым не нужно торопиться, потому что весь дом и так расступится перед ними.

Служанка резко выпрямилась. Ключи в её руках тихо звякнули. Дверь открылась.

Он вошёл без плаща, хотя от него пахнуло морозом, железом и дымом. Высокий, широкоплечий, в чёрном мундире с серебряными застёжками. Лицо — жёсткое, будто вырезанное из тёмного дерева. На скуле свежий шрам. Волосы, тёмные с пепельной прядью у виска, были стянуты на затылке. Но хуже всего были глаза.

Жёлто-золотые.

Не человеческие.

Марина смотрела на него и вдруг поняла, почему старуха назвала её «миледи». Почему на её пальце кольцо. Почему женщина у двери дрожала, хотя старалась этого не показы-

вать.

Этот мужчина был властью. Не должностью — самой сутью власти. Холодной, вооружённой, привыкшей решать, кто будет жить.

Он остановился в нескольких шагах.

— Элиана.

Имя упало между ними, как нож.

Марина молчала.

— Даже сейчас не найдёте слов? — спросил он.

Она облизнула потрескавшиеся губы.

— Мне нужна вода.

На лице мужчины не дрогнул ни один мускул. Только в глазах что-то потемнело.

— Вода, — повторил он. — Моему сыну вы давали не воду.

Марина медленно вдохнула.

Врач внутри неё, тот самый упрямый механизм, который включался даже тогда, когда вокруг кровь, крики и перевёрнутая машина, начал собирать факты.

Подземелье. Чужое тело. Обвинение. Сын. Отравление?

— Вашему сыну плохо? — спросила она.

Мужчина сделал шаг ближе.

Служанка у двери едва слышно ахнула, будто Марина нарушила запрет.

— Не произносите его вслух.

— Мне нужно знать симптомы.

Он наклонился. Теперь она видела тонкие золотые прожилки в его радужке. Видела, как дрогнула жила на его шее.

— Три дня назад вы стояли у его постели с чашей в руках. Через час Ноэль начал задыхаться. Вчера вы подкупили лекаря. Сегодня ночью попытались сжечь письма в своей комнате. И теперь хотите говорить о симптомах?

Марина почувствовала, как холод от пола поднимается выше, прямо к сердцу.

Элиана. Так зовут эту женщину. И она что-то сделала. Или её подставили.

— Я ничего не помню, — сказала она.

Он усмехнулся. Без веселья.

— Удобно.

— Я не прошу вас верить. Я прошу дать мне осмотреть ребёнка.

Это прозвучало настолько нелепо в каменной тишине, что даже старая служанка подняла на неё глаза.

Мужчина выпрямился.

— Вы всё ещё играете?

— Нет. Я врач.

Слово вырвалось само. Чужое в этом подземелье, как электрический свет среди факелов.

— Кто? — холодно спросил он.

Марина запнулась.

Как объяснить скорую помощь человеку в мундире, у которого глаза хищника? Как объяснить реанимацию, анти-

биотики, токсикологию, когда ты сидишь связанная на полу в теле обвинённой аристократки?

— Лекарь, — поправилась она. — Я понимаю болезни. Я могу помочь.

— Вы могли помочь, когда он кричал и бился в судорогах. В его голосе впервые дрогнуло что-то живое. Не жалость. Не боль даже. Слишком глубоко, слишком опасно. Как трещина во льду, под которым чёрная вода.

Марина удержалась за это.

— Судороги были? Температура? Посинение губ? Рвота? Запах от кожи? Зрачки расширены?

Он молчал.

Но теперь смотрел иначе.

Не верил. Конечно, не верил. Но слушал.

— Отвечайте, — сказала она, забыв на мгновение, что сидит перед человеком, который может приказать бросить её в яму. — Если ребёнок отравлен, время важно.

Его рука резко опустилась к её лицу. Марина не успела отпрянуть. Он схватил её за подбородок — не больно, но так, что стало ясно: мог бы сломать.

— Вы всегда умели звучать убедительно, Элиана.

— А вы всегда предпочитаете ненавидеть вместо того, чтобы думать?

Старая служанка втянула воздух.

Мужчина застыл.

На одну короткую секунду Марина поняла, что перегну-

ла. В прошлой жизни за резкость ей могли сделать выговор. Здесь за неё могли убить.

Но он не ударил.

Только отпустил её лицо так резко, будто прикоснулся к огню.

— Через три дня, — сказал он глухо, — вы подпишете отречение от имени Морвейн и отправитесь в монастырь Белых Скал. Там любят женщин, которые много лгут. Им есть о чём молчать.

— А если ваш сын умрёт за эти три дня?

Лицо мужчины изменилось.

Не сильно. Но достаточно.

Слова попали туда, где у него не было брони.

— Осторожнее, — прошептал он.

Марина подняла связанные руки.

— Я не угрожаю. Я предупреждаю. Это разные вещи.

Он смотрел на неё долго. Так долго, что звук воды в углу снова стал невыносимо громким.

Потом отвернулся.

— Лисса, воды ей. И пусть приведут писаря. Завтра утром она даст показания.

— Милорд Райнар...

— Я сказал — воды.

Служанка поклонилась, но прежде чем выйти, бросила на Марину взгляд, полный такой ненависти, будто это она лично выкопала могилу для маленького Ноэля.

Райнар.

Значит, его звали Райнар.

Муж. Генерал. Дракон — если это слово здесь не метафора.

Он уже взялся за дверь, когда снаружи раздался крик.

Не женский. Детский.

Короткий, сорванный, полный такого ужаса и боли, что Марина вскочила раньше, чем успела подумать. Ноги не удержали её, она ударилась плечом о стену, но всё равно рванулась к выходу.

Райнар распахнул дверь.

По коридору бежал мальчик лет двенадцати в форме пажей, бледный как мел.

— Милорд! — он споткнулся, едва не упал. — Наследник... он снова... лекарь говорит, дыхание пропадает!

Всё лицо Райнара стало пустым.

Вот так пустеют лица у людей, которые уже видели смерть и узнают её шаги.

Он бросился прочь.

Марина закричала ему вслед:

— Развяжите меня!

Он даже не остановился.

Тогда она сама подалась к старой служанке, которая застыла у двери с ключами.

— Быстро! — рывкнула Марина. — Если он задыхается, каждая минута — это мозг, сердце, жизнь! Развязывайте!

— Я не могу...

— Вы хотите, чтобы мальчик умер, пока вы боитесь приказа?

Служанка дрогнула.

И этого хватило.

Ключи звякнули. Верёвка упала к ногам. Марина едва почувствовала, как кровь хлынула в онемевшие пальцы болью. Она уже бежала — босиком, по ледяному камню, за удаляющимся стуком сапог.

Коридоры мелькали факелами, тёмными гобеленами, испуганными лицами слуг. Замок был огромен, мрачен и чужд, но крик ребёнка вёл лучше любой карты.

В детской пахло дымом, травами и страхом.

Маленький мальчик лежал на кровати, выгибаясь дугой. Лицо серое, губы синие. Тонкие пальцы цеплялись за простыню. Над ним суетился пожилой лекарь в зелёной мантии, бормоча заклинания или молитвы. На столике чадила чаша с густым сладковатым отваром.

Марина увидела всё сразу.

Запрокинутая голова. Спазм. Пена у края губ. Слишком тугой ворот ночной рубашки. Запах миндаля? Нет. Горький, травяной. Зрачки.

— Отойдите, — сказала она.

Лекарь обернулся.

— Миледи?! Как вы...

— Отойдите!

Райнар стоял у кровати, белый от ярости и ужаса.

— Уберите её, — прошипел лекарь. — Она уже достаточно сделала!

Марина не стала спорить. Она подскочила к кровати, рванула ворот рубашки мальчика, повернула его голову набок и пальцами очистила рот от слизи.

— Дыши, малыш. Ну же. Дыши.

Райнар схватил её за плечо.

— Если он умрёт от вашего прикосновения...

— Тогда убьёте меня потом! Сейчас держите его руки!

Приказ вылетел резко, профессионально. Так она говорила с санитарями, родственниками, полицейскими, всеми, кто мешал спасать.

И невозможное случилось.

Генерал подчинился.

Он прижал руки сына к матрасу, но так осторожно, будто боялся сломать тонкие кости.

Марина наклонилась к лицу ребёнка. Воздух почти не шёл. Грудная клетка судорожно вздрагивала.

— Что давали? — бросила она лекарю.

— Настой лунной вербены, как положено при чёрной лихорадке.

— Сколько?

— Три ложки.

— Врёте. От него пахнет так, будто вы влили полчаши.

Лекарь побагровел.

Марина уже искала глазами воду, ткань, что угодно. Увидела кувшин, схватила, намочила салфетку.

— Нужен уголь. Зола. Чистая. Быстро!

Никто не двинулся.

— Быстро! — закричал Райнар.

Комната ожила.

Марина растирала мальчику грудь, следила за пульсом на тонкой шее, считала про себя удары. Слишком часто. Слишком слабо.

— Ноэль, слышишь меня? — прошептала она. — Ты не имеешь права уходить. Не сегодня. Я только пришла, а ты уже устраиваешь мне смену хуже воскресной.

Ресницы мальчика дрогнули.

Марина почти засмеялась от облегчения — слишком рано, нельзя, ещё нельзя.

Принесли золу. Она смешала её с водой, заставила мальчика сделать несколько глотков, удерживая его на боку. Лекарь возмущённо зашипел, но Райнар одним взглядом пригвоздил его к месту.

Минуты растянулись до невозможности.

Потом Ноэль судорожно вдохнул.

Раз.

Ещё раз.

Синий оттенок губ начал уходить.

Марина сидела рядом, мокрая от холодного пота, с дрожащими руками, в чужом платье, в чужом теле, в мире, где

за окнами, кажется, могли летать драконы.

Но ребёнок дышал.

Она подняла глаза.

Райнар смотрел не на сына.

На неё.

В его взгляде по-прежнему была ненависть. Но теперь рядом с ней стояло сомнение.

А сомнение, Марина знала, иногда спасает лучше лекарства.

— В чаше яд, — тихо сказала она.

Лекарь шагнул назад.

Слишком быстро.

Марина заметила.

И Райнар тоже.

В комнате стало так тихо, что слышно было, как мальчик делает слабый, хриплый вдох.

— Закрыть двери, — сказал генерал.

Голос его больше не дрожал.

Он стал страшнее прежнего.

— Никто не выйдет.

Глава 2. Чаша с ядом

— Никто не выйдет, — сказал Райнар.

Слова не прозвучали громко. В них не было крика, не было той беспомощной ярости, что ещё минуту назад рвалась из него у постели сына. И всё же комната замерла так, будто по полу прошёл мороз.

Даже огонь в камине будто стал гореть тише.

Марина сидела у кровати, одной рукой придерживая Ноэля за плечо, другой — считая пульс на тонкой детской шее. Сердце мальчика всё ещё билось слишком быстро, но уже не срывалось в пустоту. Дыхание было хриплым, неровным, но оно было.

Жив. Главное — жив.

Она повторяла это про себя, как молитву, хотя давно не верила в молитвы.

Пожилой лекарь в зелёной мантии стоял у стены. Его лицо покрылось пятнами, губы подрагивали, а пальцы всё время пытались спрятаться в широкие рукава. Он был из тех людей, которые привыкли быть важными у постели больного, пока больной не начинал умирать по-настоящему.

— Милорд, — выдавил он наконец. — Это безумие. Она не имела права касаться наследника. Мы все видели, как три дня назад...

— Я сказал: молчать.

Лекарь захлопнул рот.

Райнар не смотрел на него. Он смотрел на чашу, стоявшую на столике у кровати. Вязкая тёмная жидкость цеплялась за края, и от неё тянуло сладковато-горьким запахом. Марина уловила в нём что-то знакомое. Не совсем миндаль. Не совсем полынь. Но тело врача отозвалось прежде, чем разум нашёл название: алкалоид. Судорожный яд. Передозировка или намеренная смесь.

— Мне нужна чистая вода, — сказала она, не поднимая глаз. — Много. Тёплая. И ещё уголь. Не золу с травами, а чистый древесный уголь, растолчённый в порошок. Простыни поменять. Окно приоткрыть, но мальчика не морозить.

Никто не двинулся.

Марина подняла голову. Взгляды слуг были прикованы к ней: ненависть, страх, недоверие. Для них она всё ещё была Элианой Морвейн. Женщиной, которую они, кажется, давно приговорили в своих сердцах.

— Вы слышали леди Морвейн, — произнёс Райнар.

От этих слов по комнате прошёл шорох.

Марина тоже вздрогнула.

Не от того, что он назвал её леди. От того, как он это сказал. Холодно, почти насмешливо, но приказ всё равно был приказом. Люди зашевелились. Кто-то побежал за водой. Лисса, та самая строгая служанка из подземелья, молча подошла к кровати и стала снимать мокрую от пота простыню.

Когда она наклонилась к мальчику, её лицо дрогнуло.
Не от страха перед Мариной. От любви.

Марина заметила это и вдруг поняла: если здесь есть человек, который не позволит навредить Ноэлю, то это старая женщина с ключами от подземелья.

— Лисса, — тихо сказала она. — Когда он пил отвар?
Служанка замерла.

— Миледи...

— Я не обвиняю. Мне нужно время. Когда?

Лисса бросила короткий взгляд на Райнара. Тот едва заметно кивнул.

— После полуночи, — ответила она глухо. — Господин лекарь велел дать три ложки. Я принесла чашу, но наследник спал. Потом меня позвали на кухню. Когда вернулась, чаша была почти пуста.

Марина перевела взгляд на лекаря.

— Почти пуста?

— Ребёнок метался, — резко сказал он. — Часть пролилась.

— На простыню?

— Да.

Марина посмотрела на постель. На прежней простыне, которую Лисса уже собиралась свернуть, темнело пятно у самого края. Не там, где лежала голова мальчика. Ниже. Сбоку. Слишком аккуратно.

— Не выбрасывать, — сказала она. — Заверните отдель-

но.

— Вы не имеете права отдавать здесь распоряжения! —
лекарь сорвался на визг. — Милорд, она морочит вам голову.
Это её яд! Её заговор! Разве вы забыли, что именно она
просила меня усилить настой?

Тишина стала острее ножа.

Марина медленно выпрямилась.

— Я просила?

— Да! — Лекарь сделал шаг вперёд, оживляясь от собственной лжи. — Три дня назад, в западной галерее. Вы сказали, что мальчик слишком слаб, что обычные дозы не помогут. Вы приказали мне добавить корень мёртвой лозы. А когда я отказался, пригрозили изгнанием!

Слуги зашептались.

Марина почувствовала, как прежняя клетка захлопывается снова. Чужое имя. Чужие поступки. Чужая вина, которая липла к её коже, как кровь.

Райнар медленно повернул к ней голову.

В его глазах опять не было сомнения.

Только старое, страшное: я знал.

Марина стиснула зубы.

— Удобная история.

— Это правда!

— Тогда вы, как лекарь, прекрасно понимали, что корень мёртвой лозы вызывает судороги?

Лекарь моргнул.

— В малых дозах он очищает кровь.

— А в больших перекрывает дыхание. Сначала возбуждение, потом спазм, пена, синюшность губ. То, что мы только что видели.

Он побледнел.

— Вы... откуда...

— Вы сами сказали, что я просила усилить настой. Значит, знали, чем его усиливаете. Значит, либо вы некомпетентны, либо помогали мне травить ребёнка. Какой вариант вам больше нравится?

На этот раз шёпот слуг изменился.

Марина увидела, как в лице лекаря мелькнула растерянность. Всего на секунду. Но достаточно. Врач скорой умел читать лица родственников у операционной. Лжецы выдавали себя не словами — паузами.

Райнар тоже это увидел.

— Взять его, — сказал он.

Двое стражников схватили лекаря за руки.

— Милорд! — тот дёрнулся. — Вы не можете! Я служил вашему дому двадцать лет!

— Тогда вам будет что рассказать за эти двадцать лет.

— Это она! — завизжал лекарь, указывая на Марину. — Она не та, за кого себя выдаёт! Посмотрите на неё! Вы же сами видите! Она говорит чужими словами, лечит чужими методами, смотрит так, будто впервые видит стены, в которых жила пять лет!

Марина похолодела.

Вот теперь он попал.

Райнар не двинулся. Но его взгляд медленно, тяжело вернулся к ней.

Комната исчезла. Остались только они двое и эта правда, которую Марина не могла произнести.

Да, я не та.

Да, я впервые вижу эти стены.

Да, я не знаю, кого вы ненавидели до меня.

Ноэль тихо застонал.

И это спасло её от ответа.

Марина тут же наклонилась к мальчику. Его веки дрогнули, пальцы слабо сжались на простыне.

— Тише, — прошептала она. — Всё хорошо. Дыши ровно.

— Мама?.. — едва слышно выдохнул он.

Слово упало в комнату, как разбившееся стекло.

Лисса закрыла рот рукой.

Райнар застыл.

Марина почувствовала, будто кто-то ударил её в грудь. Не потому, что Ноэль назвал её матерью. А потому, что в этом слове не было нежности. Только испуг. Просьба не причинять боль. Ребёнок звал женщину, которой боялся.

Она медленно погладила его по влажным волосам.

— Нет, малыш, — сказала она тихо. — Не бойся. Я не сделаю тебе плохо.

Ресницы мальчика дрогнули снова. Он не открыл глаз, но

дыхание стало чуть спокойнее.

Марина не сразу поняла, что в комнате все смотрят на её руку. На жест, слишком простой, слишком естественный для врача и слишком невозможный для женщины, которую здесь знали.

Райнар подошёл ближе.

— Элиана никогда не касалась его так.

Марина не подняла головы.

— Значит, Элиана была душой.

Лисса резко вдохнула.

Райнар молчал.

В этой тишине почему-то не было гнева. Только что-то другое. Опасное. Думающее.

— Вынести лекаря, — сказал он наконец. — В северную башню. Никого к нему не пускать.

— Милорд! — закричал тот. — Она погубит вас! Она уже открыла путь! Кольцо проснулось, разве вы не видите? Спросите её, что она сожгла в своих письмах! Спросите, кому она писала перед смертью вашей сестры!

Райнар шагнул к нему так быстро, что стражники отступили.

— Ещё одно слово о моей сестре — и я забуду, что хотел допросить тебя живым.

Лекарь замолк.

Но в его глазах, когда его выводили, была не только паника.

Торжество.

Марина увидела это, и ледяной комок медленно опустился ей в живот.

Он не боялся смерти так, как должен был. Значит, он был не главным. Значит, кто-то стоял выше. Ближе к семье, к замку, к ребёнку.

Когда дверь закрылась, Райнар повернулся к слугам.

— Все, кто был этой ночью рядом с покоем наследника, останутся под стражей до рассвета. Лисса, вы отвечаете за ребёнка. Леди Морвейн...

Он остановился.

Марина подняла глаза.

— Что, снова в подземелье?

— Нет.

Это короткое слово прозвучало почти грубее приговора.

— Вы останетесь здесь.

— У кровати?

— Под моим надзором.

— Боитесь, что я сбегу?

— Боюсь, что вы снова окажетесь рядом с тем, кто умирает, и я не пойму, спасаете вы его или добиваете.

Она хотела ответить резко. Уже почти открыла рот. Но увидела его лицо.

Под холодом, под сталью, под генеральской выправкой в нём зияла усталость. Человек, который не спал несколько ночей. Отец, который держится только потому, что если рухнет

он, рухнет весь дом.

И злость Марины вдруг погасла.

— Тогда смотрите внимательно, — сказала она. — Я не люблю повторять инструкции.

Его губы едва заметно дрогнули. Не улыбка. Скорее трещина на маске.

— Вы всегда были дерзкой. Но раньше ваша дерзость пахла ядом.

— А теперь?

Райнар посмотрел на её руки. На содранные запястья, на кровь под верёвочными следами.

— Теперь — кровью.

Он вышел, приказав двум стражникам остаться у двери.

Ночь потянулась длинно.

Марина промывала Ноэлю рот, давала воду маленькими глотками, следила за дыханием. Лисса помогала молча. Иногда их пальцы сталкивались над простынёй, и старая служанка тут же отдёргивала руку, будто боялась оскверниться прикосновением.

К рассвету температура у мальчика снизилась.

Марина позволила себе сесть в кресло у окна. Голова раскалывалась. Чужое тело болело в местах, о которых она не хотела думать: рёбра, плечо, затылок. На запястьях проступили багровые полосы.

Лисса подошла с чистой тканью.

— Дайте руки.

Марина устало посмотрела на неё.

— Вы же меня ненавидите.

— Да.

Ответ был честным. Почти освежающим.

— Тогда зачем?

— Наследник дышит.

Лисса взяла её руку и начала обрабатывать раны. Движения были сухими, уверенными, но не грубыми.

— Прежняя леди Морвейн однажды заперла его в тёмной комнате, — сказала она вдруг. — Ему было шесть. Он плакал до хрипоты. Милорд тогда был на границе. Я нашла мальчика только утром.

Марина закрыла глаза.

Господи.

— Почему она это сделала?

— Сказала, что драконов надо с детства учить одиночеству.

— Это не обучение. Это жестокость.

Лисса остановилась.

— Вы правда не помните?

Марина посмотрела на старуху. Сейчас в её взгляде впервые не было одной только ненависти. Был страх. И надежда, которую она сама себе запрещала.

— Нет, — сказала Марина. — Не помню.

Лисса долго молчала, потом завязала повязку на её запястье.

— Тогда молитесь, миледи, чтобы память к вам не вернулась.

В этот момент на столике у стены что-то тихо щёлкнуло. Марина обернулась.

Кольцо на её пальце — то самое, с чёрным камнем, — слабо светилось изнутри.

Она застыла.

Лисса побледнела так резко, словно увидела мёртвого.

— Снимите его, — прошептала она.

— Я пыталась. Не снимается.

— Снимите!

Камень вспыхнул.

Не ярко. Всего на миг. Но этого хватило, чтобы на стене напротив проступили строки. Тонкие, алые, будто написанные кровью на инеистой поверхности камня.

Марина встала.

Буквы были незнакомыми, но она вдруг поняла их смысл. Не прочитала — поняла. Как будто чужая память проснулась где-то под кожей.

Если мальчик выжил — значит, она пришла.

Не верьте генералу.

Не верьте мёртвым.

И никогда не открывайте восточную дверь.

Лисса перекрестилась странным, северным жестом.

— Этого не было здесь утром, — прошептала она.

Ноэль зашевелился на кровати.

А за дверью слышались шаги Райнара.

Марина стояла перед алыми словами, чувствуя, как коль-

цо пульсирует на пальце, словно второе сердце.

Она ещё не успела понять, кто написал послание.

Но уже знала: Элиана Морвейн не ушла.

И, возможно, именно она ждала Марину за той самой восточной дверью.

Глава 3. Восточная дверь

Райнар вошёл без стука.

Он всегда входил так, будто мир заранее должен был знать: он идёт. Слуги расступались, двери открывались, разговоры обрывались. Даже пламя в камине, казалось, вытягивалось ровнее, когда в комнате появлялся генерал Морвейн.

Но сейчас он остановился на пороге.

Не из-за Марины. Не из-за Лиссы, побледневшей у кровати Ноэля. И даже не из-за кольца, которое всё ещё пульсировало на пальце алым, горячим, почти живым светом.

Он увидел надпись.

Алые буквы на каменной стене мерцали, будто дышали.

Если мальчик выжил — значит, она пришла.

Не верьте генералу.

Не верьте мёртвым.

И никогда не открывайте восточную дверь.

В комнате стало так тихо, что Марина слышала, как маленький Ноэль сипло дышит во сне. Этот звук удерживал её на месте. Единственный настоящий звук среди безумия.

Райнар медленно закрыл дверь.

— Кто это написал? — спросил он.

— Хотела бы я знать.

Он перевёл взгляд на неё. Золото в его глазах было тусклым, тяжёлым, как металл под пеплом.

— Не играйте со мной.

Марина устало усмехнулась.

— Генерал, если бы я умела писать кровавые предупреждения на стенах, я бы начала с чего-нибудь практичнее. Например: «развяжите мне руки» или «не бросайте меня в подземелье».

Лисса резко посмотрела на неё, но промолчала.

Райнар подошёл ближе. Его сапоги почти бесшумно ступали по ковру, но в каждом движении чувствовалась опасность. Он остановился перед стеной и протянул руку к буквам.

— Не трогайте, — сказала Марина.

Он всё равно коснулся камня.

Алый свет вспыхнул.

Райнар отдёрнул руку, будто его обожгло. На кончиках пальцев проступили тонкие чёрные линии, похожие на морозные трещины.

Марина шагнула к нему раньше, чем успела себя остановить.

— Покажите.

— Не надо.

— Я не спрашивала.

Он посмотрел на неё с таким выражением, будто не мог

решить, что раздражает его сильнее: её дерзость или то, что он почти привык ей подчиняться.

Она схватила его за запястье.

Кожа у него была горячей. Слишком горячей. Не человеческой температурой, а будто под ней тлели угли. Чёрные линии тянулись от пальцев выше, медленно, но упрямо.

— Это ожог? — спросила она.

— Память крови.

— Прекрасно. Всё лучше и лучше. Теперь кровь ещё и помнит.

— Это не смешно.

— Я заметила.

Марина взяла влажную ткань, которую Лисса оставила у таза, и прижала к его пальцам. Ткань тут же зашипела.

Лисса прошептала:

— Милорд, ей нельзя было...

— Тихо, — сказал Райнар.

Но смотрел он не на служанку. На Марину.

В его взгляде снова появилось это опасное сомнение. Не в её виновности — в устройстве мира вокруг них. И, может быть, в самом себе.

— Что такое восточная дверь? — спросила Марина.

Лисса вздрогнула.

Райнар резко повернулся к ней:

— Выйдите.

— Но наследник...

— Я позову.

Старая служанка хотела возразить. Было видно, как слова уже стоят у неё на губах. Но потом она посмотрела на стену, на кольцо, на спящего мальчика — и поклонилась.

У двери она задержалась.

— Милорд, — тихо сказала она. — Если это то, о чём я думаю... не ходите туда с ней.

— Лисса.

— Я служу вашему дому дольше, чем вы живёте. И впервые прошу не как служанка. Как женщина, которая выносила вас на руках из пожара, когда вы были младше Ноэля. Не ходите.

Райнар ничего не ответил.

И это было страшнее отказа.

Когда дверь закрылась, Марина почувствовала, как на неё наваливается усталость. Слишком много. Подземелье. Яд. Ребёнок. Чужое тело. Кольцо. Надпись, которая называла её «она пришла», будто кто-то ждал именно Марину, а не Элиану.

— Восточная дверь, — повторила она. — Что это?

Райнар медленно сжал повреждённую руку в кулак. Чёрные линии исчезли под кожей, но Марина видела: боль осталась.

— В восточном крыле есть запечатанный зал.

— Почему запечатанный?

— Там умерла моя сестра.

Воздух в комнате стал холоднее.

Марина вспомнила слова лекаря: спросите, кому она писала перед смертью вашей сестры.

— Вы думаете, Элиана была виновата.

— Я не думаю.

— Вы уверены?

— Я видел её там.

Он отвернулся к окну. За стеклом серело утро. Снег падал беззвучно, густо, будто кто-то засыпал замок белым пеплом.

— Моей сестре было двадцать два. Лиара. Она смеялась громче всех в этом доме. Носила меч, хотя отец запрещал. Верхом ездила лучше меня. И была единственной, кто верил, что Элиана не просто красивая кукла, которую мне навязал совет.

Марина молчала.

Голос Райнара не дрожал. От этого было ещё больнее. Он рассказывал так, как солдаты рассказывают о погибших: сухо, точно, потому что иначе сорвутся.

— В ту ночь в восточном зале должен был состояться обряд защиты рода. Лиара нашла древний способ укрепить кровь Ноэля. Он уже тогда болел. Элиана обещала помочь. А когда я вошёл... — Райнар замолчал.

Марина увидела, как напряглась его челюсть.

— Что вы увидели?

— Сестра лежала на полу. Кровь была везде. На камнях. На стенах. На руках Элианы. А дверь за алтарём была откры-

та.

— Какая дверь?

Райнар посмотрел на неё.

— Та, которую теперь кто-то велит нам не открывать.

Марина медленно опустилась в кресло. Внутри всё сжалось.

— Элиана что-нибудь сказала?

— Да.

— Что?

Он долго не отвечал. Потом произнёс:

— «Я не успела закрыть».

Марина ощутила, как холод проходит под кожей.

Не «я не убивала». Не «это не я». Не «спаси её».

Я не успела закрыть.

Значит, Лиара умерла не просто от руки человека. Что-то вышло. Или вошло.

Кольцо на пальце снова нагрелось.

Марина стиснула руку.

— Ведите меня туда.

Райнар смотрел на неё так, будто она попросила не открыть дверь, а добровольно лечь в гроб.

— Нет.

— Там ответ.

— Там смерть.

— Ваш сын отравлен. Лекарь явно не главный. Кто-то оставил мне послание, которое знало, что Ноэль выживет. И

это кольцо реагирует на меня так, будто я не случайно оказалась в этом теле. Вы правда хотите сейчас сделать вид, что самое разумное — закрыть глаза и ждать следующего приступа?

— Вы ничего не понимаете.

— Так объясните.

— Я не могу!

Впервые он повысил голос.

Ноэль зашевелился на кровати. Оба одновременно обернулись. Мальчик не проснулся, только повернул голову на бок и снова затих.

Райнар подошёл к нему. Очень осторожно поправил одеяло. Жест был таким бережным, что Марина вдруг почти простила ему всё сказанное в подземелье. Почти.

— Я не могу, — повторил он уже тише. — Потому что если дверь откроется снова, я могу потерять не только Ноэля. Весь Север.

— Тогда тем более надо понять, что за ней.

— Вы говорите как человек, которому нечего терять.

Марина замерла.

Эти слова попали точно туда, где у неё ещё болело прошлое.

Перед глазами вспыхнула другая комната. Белая, стерильная, с запахом хлорки и кислорода. Мальчик на операционном столе. Не Ноэль. Другой. Десятилетний Сашка, сын её сестры. Авария. Кровь. Аппарат пищал всё медленнее, а Ма-

рина стояла рядом и понимала: её рук, её знаний, её отчаянного «ещё адреналин» не хватит.

Она моргнула.

Замок вернулся.

— Мне есть что терять, — сказала она глухо. — Просто это уже однажды умерло у меня на руках.

Райнар посмотрел на неё иначе.

Без злости.

Это было хуже.

Она отвернулась первой.

— Простите, — сказал он.

Так тихо, что она могла бы притвориться, будто не услышала.

Марина не притворилась.

— Не надо. Ваша грубость хотя бы честная. В этом доме это редкость.

Он устало провёл рукой по лицу.

— До вечера вы не выйдете из этих покоев.

— Приказ?

— Просьба.

Марина подняла бровь.

— У вас всё-таки получается.

— Не привыкайте.

Он направился к двери. Но прежде чем выйти, остановился.

— Не открывайте никому, кроме Лиссы. Даже мне.

— Что?

— Если я приду и скажу, что передумал. Если попрошу показать кольцо. Если позову вас в восточное крыло — не открывайте.

Марина медленно встала.

— Райнар.

Он впервые услышал своё имя из её уст. Это было видно по тому, как он застыл.

— Почему?

Генерал не обернулся.

— Потому что последними словами Лиары были: «Он пришёл в твоём лице».

Дверь закрылась.

Марина осталась одна с ребёнком, алой надписью на стене и кольцом, которое билось на пальце всё сильнее.

Сначала она решила, что сможет дожидаться вечера.

Она правда пыталась.

Полчаса сидела у постели Ноэля, меняла компрессы, проверяла его дыхание, слушала шум замка за дверью. Стражники переговаривались в коридоре. Где-то далеко звенело оружие. Мир за стенами двигался, а она была заперта среди чужих тайн, как в операционной без инструментов.

Потом Ноэль открыл глаза.

— Вы плакали? — спросил он хрипло.

Марина вздрогнула.

— Нет.

— Врёте плохо.

— Я врач. Нам запрещено плакать при пациентах.

— Вы странная.

— Мне часто это говорят.

Мальчик смотрел на неё долго. В его глазах был страх, но уже не тот, прежний. Не страх перед ней. Страх перед тем, что она может исчезнуть.

— Вы теперь другая, да?

Марина не ответила сразу.

— А ты как думаешь?

Ноэль слабо пожал плечом.

— Раньше вы пахли духами и холодом. А теперь дымом, кровью и чем-то горьким.

— Уголь. Я давала тебе уголь.

— Нет. Не уголь. — Он поморщился, пытаясь подобрать слово. — Больницей.

У Марины сердце остановилось.

— Что ты сказал?

— Не знаю. Само сказалось.

Он нахмурился, будто испугался собственного языка.

Кольцо вспыхнуло.

На стене алые буквы дрогнули, поплыли и начали исчезать. Вместо них проступила новая строка.

Ребёнок слышит оба мира.

Марина резко подошла к стене.

— Ноэль, ты видишь это?

Мальчик повернул голову.

И побледнел.

— Это её почерк.

— Чей?

Он прошептал:

— Матери.

Марина почувствовала, как пол уходит из-под ног.

— Элианы?

Ноэль сжал простыню.

— Нет. Моей настоящей матери.

Тишина стала ледяной.

Марина медленно повернулась к нему.

— Но... Райнар сказал...

— Всем сказали, что она умерла, когда я родился. Но я помню голос. Иногда во сне. Она пела про чёрную дверь.

Где-то за дверью послышался лёгкий скрип.

Марина мгновенно обернулась.

— Кто там?

Ответа не было.

Она подошла к двери и прислушалась. Стражники молчали. Слишком молчали. Ещё час назад один кашлял, второй постоянно переставлял ноги, скрипя ремнями. Теперь — ничего.

Марина взяла со стола тяжёлый подсвечник.

— Ноэль, не вставай.

— Что случилось?

— Надеюсь, ничего.

Она приоткрыла дверь.

В коридоре лежали оба стражника.

Живые или мёртвые — она не успела понять.

Потому что в конце галереи стоял Райнар.

Тот же чёрный мундир. Те же широкие плечи. Та же перепелная пряда у виска.

Но глаза были не золотые.

Чёрные.

Он улыбнулся.

Райнар никогда так не улыбался.

— Марина, — сказал он его голосом. — Ты ведь хотела увидеть восточную дверь?

За её спиной Ноэль едва слышно прошептал:

— Это не отец.

Лже-Райнар сделал шаг вперёд.

И кольцо на руке Марины вспыхнуло так ярко, что алый свет залил весь коридор.

— Наконец-то, — произнёс он. — Ключ проснулся.

Глава 4. Чужое лицо

Красный свет от кольца ударил в стены, как вспышка пожара.

Марина инстинктивно заслонила собой дверь в детскую, хотя понимала: если тот, кто стоял в конце коридора в облике Райнара, захочет пройти, её тело станет для него не преградой, а просто мягкой помехой. Как простыня на пути ножа.

Но тело всё равно шагнуло вперёд.

Так она когда-то закрывала собой мальчишку на месте аварии, когда пьяный водитель, шатаясь, пытался вытащить из перевёрнутой машины бутылку вместо ребёнка. Так вставала между носилками и обезумевшими родственниками. Так держала дверь реанимации, пока за её спиной боролись за жизнь.

Страх потом.

Сейчас — не пускать.

Лже-Райнар улыбался.

У настоящего Райнара улыбка была редкой, почти неловкой трещиной в броне. Эта улыбка была гладкой. Красивой. Мёртвой.

— Не бойся, — сказал он. — Я ведь пришёл не за мальчиком.

Голос был его. Низкий, хриплый, с той самой железной усталостью, от которой у Марины каждый раз сжималось

что-то под рёбрами. И именно поэтому стало страшнее.

— Тогда стойте там, где стоите.

— Ты говоришь со мной как с больным.

— А вы выглядите как симптом.

В детской за её спиной Ноэль слабо закашлялся. Этот звук заставил лже-Райнара повернуть голову.

Марина подняла подсвечник выше.

— Не смотри на него.

Чёрные глаза снова вернулись к ней.

— Ты уже говоришь как мать.

— Я говорю как человек, который не отдаёт детей чудовищам.

— Чудовища, Марина, редко приходят в своём лице.

Он шагнул ближе.

Коридор будто вытянулся, стал длиннее. Факелы на стенах погасли один за другим, но темнота не наступила — вместо огня алел свет кольца. Он ложился на лицо лже-Райнара снизу, вырезая острые скулы, губы, линию подбородка. Всё было правильно. Почти. Только тени не было.

Марина заметила это не сразу.

За его спиной не тянулась тень.

— Кто ты? — спросила она.

Он наклонил голову.

— Тот, кого не успели запереть.

— Имя.

— Имена нужны живым.

Марина крепче сжала подсвечник. Пальцы скользили по металлу от пота, запястья под повязками горели. Кольцо пульсировало так сильно, будто под камнем билось настоящее сердце.

— Что тебе нужно?

— Восточная дверь. Ключ. И ты.

— Ошибся адресом.

— Нет. — Он сделал ещё шаг. — Я ждал не Элиану. Элиана была только сосудом. Красивым, пустым, жадным сосудом. А потом вдруг решила стать совестью. Глупая девочка. Почти успела всё испортить.

Слова ударили неожиданно.

Элиана пыталась остановить.

Значит, не всё в ней было ложью. Не всё — яд, жестокость, холодные комнаты для ребёнка. Где-то там, в прошлом этого тела, была женщина, которая дошла до края и, возможно, впервые в жизни испугалась не за себя.

— Это ты убил Лиару?

Лже-Райнар улыбнулся шире.

— Лиара открыла дверь добровольно. Все Морвейны одинаковы. Думают, если у них в крови огонь, им дозволено смотреть в тьму и не моргать.

Марина почувствовала, как за спиной шевельнулся Ноэль.

— Не вставай! — резко бросила она.

— Он врёт, — прошептал мальчик из комнаты. — Тётя Лиара не могла...

Лже-Райнар вдруг посмотрел прямо через Марину, туда, где лежал ребёнок.

— Маленький полукровка всё ещё слышит? Как трогательно. Твоя мать тоже слышала. Пела у двери, пока кровь шла горлом.

Ноэль замолчал.

И это молчание было хуже крика.

Марина не помнила, как бросилась вперёд. Потом она будет думать, что поступила глупо, смертельно глупо, что надо было запереть дверь, звать настоящего Райнара, искать путь через окно, хоть что-то. Но в тот миг она увидела только лицо ребёнка — белое, сломанное чужими словами.

Подсвечник ударил лже-Райнара по виску.

Металл прошёл сквозь него.

Не совсем. Марина ощутила сопротивление — вязкое, ледяное, будто била по воде под коркой льда. Лже-Райнар даже не покачнулся. Только медленно повернул к ней голову.

На его виске расплзлась чёрная трещина.

Не кровь.

Пустота.

— Вот за это, — сказал он почти ласково, — я и люблю живых. Вы всё время надеетесь, что грубая сила спасёт вас от древнего ужаса.

Он поднял руку.

Марина не успела отскочить. Невидимый удар отбросил её назад, прямо в дверной косяк. Воздух выбило из лёгких.

Перед глазами вспыхнули белые точки. Она упала на колени, но тут же попыталась подняться.

Не смогла.

Ноги не слушались.

— Тело ещё слабое, — заметил он. — Элиана плохо работала о нём. Слишком много вина. Слишком мало сна. Слишком много страха, который она называла удовольствием.

— Не смей говорить о ней так, — выдохнула Марина, сама удивившись своим словам.

Он заинтересованно прищурился.

— Уже защищаешь её? Опасно. Мёртвые любят тех, кто их жалеет. Так легче вернуться.

Кольцо на пальце раскалилось.

Марина вскрикнула и схватилась за руку. Алый свет вырвался из камня тонкими нитями, обвил её запястье, пополз по полу к спящим стражникам. Один из них застонал. Второй резко вдохнул.

Лже-Райнар перестал улыбаться.

— Не умеешь, но сопротивляешься. Забавно.

Из детской раздался слабый голос Ноэля:

— Леди Марина...

Она повернула голову.

Мальчик стоял у кровати, держась за столбик балдахина. Бледный, дрожащий, в ночной рубашке, слишком маленький для этого огромного тёмного мира. Но в глазах его было то

упрямство, из-за которого, наверное, Морвейны выживали столетиями.

— Я сказал тебе лежать, — прошептала Марина.

— Я тоже плохо слушаюсь.

Лже-Райнар медленно перевёл взгляд на него.

— Вот он. Вторая половина замка.

Марина похолодела.

— Не подходи к нему.

— Ключ проснулся у тебя, — сказал он. — Но дверь слышит кровь мальчика. Без него ты всего лишь женщина с чужим кольцом. Без тебя он всего лишь больной ребёнок. Вместе вы — приглашение.

Ноэль стиснул зубы.

— Я никого не приглашал.

— Тебя пригласили ещё до рождения.

Вдруг за спиной лже-Райнара появился звук.

Не шаги.

Сначала — низкое рычание, от которого стекла в окнах задрожали мелкой дрожью. Потом — тяжёлый удар, будто что-то огромное врезалось в дальнюю стену замка. Потом факелы вспыхнули разом синим огнём.

Лже-Райнар обернулся.

Из темноты коридора вышел настоящий Райнар.

Марина поняла это сразу.

Не по глазам — они горели золотом так ярко, что вокруг зрачков плясало пламя. Не по лицу — настоящее лицо было

страшнее подделки, потому что на нём была живая ярость. Она поняла по тому, как он посмотрел сначала на Ноэля, потом на неё. Быстро. Почти незаметно. Но в этом взгляде был ужас человека, который уже однажды опоздал.

И не хотел опоздать снова.

— Отойди от моей семьи, — сказал Райнар.

У Марины в груди что-то сорвалось.

Моей семьи.

Лже-Райнар рассмеялся его голосом.

— Семьи? Ты заперал жену в подzemелье, сын боится собственного имени, сестра умерла, потому что ты не поверил ей вовремя. Какая удивительная у вас семья, генерал.

Райнар не ответил.

Он вынул меч.

Клинок был тёмным, почти чёрным, но по лезвию пробежала тонкая золотая жила. Воздух сразу стал горячим. Снег за окном начал таять на стекле.

— Отец, — прошептал Ноэль.

— В комнату, — приказал Райнар, не сводя глаз с двойника.

— Нет.

— Ноэль.

— Он сказал, без меня дверь не...

— В комнату.

Мальчик вздрогнул, но не двинулся.

И тогда Марина, опираясь на косяк, всё-таки поднялась

на ноги.

— Ноэль, ко мне.

Он послушался её.

Райнар заметил это. И на его лице мелькнуло что-то болезненное. Может быть, ревность. Может быть, облегчение. Может быть, цена всех ошибок, которые нельзя исправить приказом.

Лже-Райнар ударил первым.

Он не двинулся — просто темнота за его спиной раскрылась, как крыло, и метнулась к настоящему Райнару. Тот встретил её мечом. Звук был такой, словно раскололся лёд на огромном озере.

Марина прижала Ноэля к себе и отступила в детскую.

— Слушай меня, — быстро сказала она. — Дыши ровно.

Не смотри ему в глаза. Держись за мою руку.

— Я боюсь.

— Я тоже.

Он поднял на неё потрясённый взгляд.

— Правда?

— Очень. Но страх — это не приказ. Это просто сигнал, что мы ещё живы.

В коридоре Райнар снова ударил мечом. Синее пламя факелов взметнулось к потолку. Тень лжеца отлетела к стене, на миг потеряла форму — и Марина увидела под лицом Райнара другое.

Женское.

Бледное. С открытыми мёртвыми глазами.

Потом мужское, старое.

Потом детское.

Потом снова Райнар.

— Он из лиц, — прошептал Ноэль. — Из украденных лиц.

Кольцо дёрнулось на пальце Марины так резко, что она едва не вскрикнула. Алые нити потянулись к коридору. Не к лжецу. К стене за ним. Туда, где камень был покрыт едва заметным узором.

Дверь.

Нет, не настоящая дверь. Только знак. Отпечаток. Символ восточного крыла, который проступал под штукатуркой, как старая рана.

Марина вдруг поняла: он не мог сам открыть проход. Ему нужно было, чтобы она испугалась. Чтобы Ноэль позвал. Чтобы Райнар ударил драконьим огнём.

Три части.

Ключ. Кровь. Пламя.

— Райнар! — закричала она. — Не используй огонь!

Поздно.

Лже-Райнар ударил тенью по полу, целясь не в генерала — в детскую. В Ноэля.

Настоящий Райнар взревел.

Это уже не был человеческий звук. От него у Марины заложило уши, а по стенам побежали золотые трещины. Из плеч Райнара словно вырвался жар, воздух за ним дрогнул

очертанием огромных крыльев.

Он бросил огонь.

Пламя пронзило лжеца насквозь.

Тот запрокинул голову и засмеялся.

На стене за его спиной проступила настоящая дверь.

Высокая, чёрная, с прожилками красного света. Её не было секунду назад — и она была всегда. Так бывают шрамы: закрытые кожей, но никуда не исчезнувшие.

Райнар понял.

Слишком поздно.

— Нет, — выдохнул он.

Лжец горел золотым огнём и смеялся, распадаясь на лица.

— Спасибо, генерал.

Марина схватила Ноэля крепче. Мальчик вдруг обмяк у неё в руках.

— Ноэль!

Его глаза открылись.

Но это были не его глаза.

Они стали тёмными, глубокими, взрослыми. И когда он заговорил, голос был женским.

Слабым. Далёким. Знакомым этому дому.

— Райнар...

Генерал застыл так, будто меч прошёл сквозь него.

— Это невозможно.

Губы Ноэля дрогнули чужой болью.

— Ты всё ещё плохо слушаешь, брат.

Марина почувствовала, как холод поднимается от пола.
Лиара.

Это была Лиара.

Мёртвая сестра Райнара говорила голосом его сына.

— Восточная дверь открылась, — прошептала она. — И
теперь то, что носит лица, вспомнило дорогу домой.

Чёрная дверь за спиной лжеца медленно приоткрылась.

Из щели пахнуло не смертью.

Больницей.

Мокрым асфальтом.

Сиренами скорой помощи.

И Марина услышала за дверью собственный голос — тот,
прежний, из другого мира:

— Пациентка жива. Повторяю, Марина Орлова жива.

Кольцо на её руке вспыхнуло белым.

А из темноты за дверью кто-то тихо позвал:

— Вернись в своё тело, доктор. Пока оно ещё дышит.

Глава 5. Тело, которое ещё дышит

За чёрной дверью звучала сирена.

Не колокол замка Морвейн. Не боевой рог северного гарнизона. Не драконий рёв, от которого дрожали стёкла.

Сирена скорой.

Рваная, хриплая, до боли знакомая. Она летела сквозь щель между мирами, пробиралась под кожу, в кости, в память. И вместе с ней пришёл запах мокрого асфальта, бензина, дешёвого кофе из автомата и больничного спирта.

Марина застыла.

Всё вокруг — коридор, синий огонь факелов, Райнар с мечом, Ноэль в её руках, чёрная дверь на стене — стало тонким, почти прозрачным. А там, по другую сторону, была ночь. Дождь. Мигающий жёлтый свет. Голоса людей, которые она знала лучше собственных снов.

— Давление падает! — крикнул кто-то за дверью.

Марина узнала этот голос.

Паша. Фельдшер из её бригады. Вечно небритый, вечно ругающийся, однажды принёсший ей пирожок с капустой прямо в реанимацию, потому что «ты же опять забыла, что люди едят».

— Марина Орлова жива, — повторил другой голос. — Пульс нитевидный, но есть. Готовьте интубацию!

Я жива.

Мысль не сразу стала мыслью. Сначала она была ударом. Потом холодом. Потом чем-то страшнее надежды.

Марина смотрела в приоткрытую дверь и видела не полностью, а кусками: мокрый асфальт, своё тело на носилках, белую простыню, край разбитого стекла, чью-то руку в синей перчатке, кровь на виске. Своё лицо — бледное, чужое, неподвижное.

Её настоящее лицо.

Не Элианы.

Её.

— Доктор, — прошептал голос из темноты. — Вернись. Пока не поздно.

Руки Марины ослабли.

Ноэль качнулся, и она едва успела удержать его. Глаза мальчика всё ещё были не его: тёмные, взрослые, полные боли, которую не мог вместить ребёнок.

— Не слушай, — сказал он женским голосом.

Райнар медленно повернулся к сыну.

— Лиара...

На лице генерала не было больше ни ярости, ни власти. Только растерянность, почти детская, такая страшная на его жёстком лице.

— Райнар, — голос мёртвой сестры дрогнул в горле Ноэля. — У тебя мало времени.

— Ты жива?

— Нет.

Слово прозвучало мягко. И именно поэтому стало невыносимым.

Райнар сжал меч так, что костяшки пальцев побелели.

— Тогда что говорит со мной?

— То, что осталось между дверью и кровью. То, что она не успела сожрать.

Чёрная дверь шевельнулась.

Из щели вытянулся туман. Не серый и не белый — тёмный, с серебряными прожилками, будто в нём плавали осколки лиц. Он коснулся пола, и камень под ним покрылся инеем.

Лже-Райнар, всё ещё объятый золотым огнём, уже почти не походил на человека. Его лицо распадалось: скулы Райна-ра сменялись женской щекой, старческим подбородком, детским ртом. Глаза оставались чёрными.

— Вы трогательно прощаетесь, — сказал он. — Но дверь открыта. Ключ услышал свой мир. Кровь услышала мёртвых. Пламя дало путь. Теперь осталось только выбрать, кто войдёт первым.

Марина отступила, прижимая Ноэля к себе.

— Что тебе нужно от меня?

— Ты уже знаешь.

Она знала.

И от этого хотелось кричать.

По ту сторону двери её тело дышало. Её могли спасти. Она могла вернуться туда, где не было драконов, проклятий, чу-

жого имени и мужчины, который ненавидел её прежде, чем начал ей верить.

Там были больницы, смены, налоги, разбитая кружка на кухне, сестра, которой она так и не позвонила перед аварией. Там была её жизнь — тяжёлая, усталая, настоящая.

Здесь был ребёнок, которого она знала всего несколько дней.

Замок, который считал её преступницей.

Кольцо, которое жгло палец.

И Райнар.

Он стоял между ней и дверью, но теперь не закрывал. Он понял. Марина увидела это по его глазам. Понял, что зовут не его. Понял, что у неё есть путь назад. Понял, что если она уйдёт, он не имеет права остановить.

И эта его молчаливая честность ранила сильнее любой угрозы.

— Марина, — сказал он тихо.

Она вздрогнула. В этом мире никто не произносил её имя так, будто оно было настоящим.

— Иди, если должна.

Ноэль в её руках резко вдохнул.

— Нет...

Голос Лиары исчез. На миг вернулся мальчик. Испуганный, слабый, горячий.

— Не уходите, — прошептал он. — Пожалуйста.

Марина закрыла глаза.

Пожалуйста.

Самое страшное слово в медицине. Его говорят матери у дверей операционной. Его шепчут дети, когда боль сильнее храбрости. Его произносят те, кому ты не можешь обещать спасение.

— Я не могу быть причиной твоей смерти, Ноэль, — сказала она хрипло.

— А я не могу быть причиной вашей.

Ему было двенадцать. Он едва стоял на ногах. Но сказал это так, будто уже давно вырос там, где взрослые боялись правды.

Чёрная дверь раскрылась шире.

Теперь Марина увидела себя на каталке отчётливо. Врачи наклонились над её телом. На мониторе дрожала зелёная линия. Кто-то сдвинул мешок Амбу. Кто-то крикнул:

— Теряем!

Сердце Марины ударило так сильно, что кольцо вспыхнуло белым. Коридор качнулся. На мгновение она почувствовала два тела сразу: это, чужое, слабое, в платье с кровью на рукаве; и своё, разбитое, холодное, на границе смерти.

Боль прошла через неё волной.

Она вскрикнула и упала на одно колено.

Райнар шагнул к ней, но лжец поднял руку.

Тень ударила генерала в грудь и отбросила к стене. Меч вылетел из его руки, золотое пламя погасло. Райнар попытался встать, но тёмные нити обвили его запястья и горло.

— Драконы всегда думают, что сила — это зубы, когти и огонь, — произнёс лжец. — А настоящая сила — это желание. Надо только знать, чего человек хочет больше всего.

Он повернулся к Марине.

— Ты хочешь жить.

Да.

Ответ был простым и жестоким.

Она хотела жить.

Не спасать. Не терпеть. Не быть сильной. Жить.

Хотела проснуться в своём теле, открыть глаза под белыми лампами, услышать: «Ну ты нас напугала, Орлова». Хотела снова ругаться на пробки, пить отвратительный кофе, покупать хлеб в круглосуточном магазине после смены. Хотела позвонить сестре и сказать то, что не успела.

— Конечно хочу, — прошептала она.

Лжец улыбнулся.

— Тогда иди.

Дверь распахнулась ещё шире.

И вдруг Лиара снова заговорила через Ноэля. Тихо, почти без сил:

— Он не отпустит тебя домой. Он пустит себя через тебя.

Марина подняла голову.

— Что?

— Твоё тело там — открытая рана между мирами. Если ты войдёшь сейчас, он войдёт следом. В твою кровь. В твой мир. В тысячи лиц.

Лжец перестал улыбаться.

— Мёртвым следует молчать.

Ноэль застонал, словно кто-то сжал его сердце.

Марина увидела, как по его шее проступают чёрные прожилки.

— Не трогай его!

— Тогда выбирай быстрее, доктор.

Слово «доктор» он произнёс с насмешливой нежностью.

Внутри Марины что-то оборвалось.

Она вдруг поняла: это не был выбор между жизнью и смертью. Не между двумя мирами. Это был старый, ненавистный выбор, который преследовал её с той ночи, когда умер Сашка.

Кого спасать, если всех нельзя.

Она смотрела на дверной проём, где её собственное тело выгибалось на каталке под чужими руками. Там врачи боролись за неё. Там она была пациентом. Там впервые за много лет кто-то спасал её.

А здесь в её руках умирал ребёнок.

Марина медленно положила ладонь на голову Ноэля.

— Лиара, ты меня слышишь?

— Да.

— Как закрыть дверь?

— Ключ должен отказаться от зова.

— То есть я должна умереть там?

Пауза.

Эта пауза сказала всё.

Райнар, всё ещё прижатый тьмой к стене, хрипло произнёс:

— Нет.

Марина посмотрела на него.

Он боролся. Чёрные нити впивались в кожу, на шее выступила кровь, но он пытался подняться. Не приказать. Не запретить. Просто добраться до неё.

— Марина. Нет.

Как странно. Когда он говорил её имя, ей меньше хотелось возвращаться.

— Генерал, — сказала она, и голос неожиданно стал спокойным. — Вы просили меня не привыкать к вашим просьбам.

— Я приказываю.

— Поздно.

— Марина!

В его голосе было столько боли, что лжец довольно рассмеялся.

— Вот оно. Наконец-то. Дракон нашёл новую слабость.

Марина поднялась.

Кольцо больше не жгло. Оно стало холодным, ясным, как скальпель перед разрезом.

— Ошибаешься, — сказала она. — Слабость — это когда за чужую жизнь прячешь свой страх. А я больше не прячусь.

Она подошла к двери.

Мир за ней рванулся навстречу: дождь, сирены, белые лампы, собственное тело. На мгновение Марина увидела сестру в больничном коридоре. Та плакала, прижимая телефон к груди.

Прости, — подумала Марина.

И сняла кольцо.

Оно не снималось с первого дня. Будто вросло в палец. Будто имело право на её кровь.

А теперь само соскользнуло ей в ладонь.

Лжец закричал:

— Нет!

Поздно.

Марина бросила кольцо не в дверь.

В чашу с остатками яда, которую кто-то в суматохе оставил на столике у стены и которую она, врач, заметила ещё в начале схватки.

Камень ударился о тёмную жидкость.

Алый свет взорвался.

Яд, кровь Элианы, зов Марины, память Лиары — всё смешалось в ослепительном пламени. Чёрная дверь вздрогнула. За ней кто-то закричал в обоих мирах сразу.

Марина увидела, как в её настоящем мире монитор дал длинный протяжный сигнал.

Прямая линия.

И в тот же миг дверь захлопнулась.

Не закрылась — рухнула внутрь себя, как провалившееся

сердце.

Тишина ударила по коридору.

Лжец выгнулся, распадаясь на лица. Теперь они кричали все сразу — украденные, мёртвые, забытые. Райнар сорвал с себя тёмные нити и бросился вперёд, но Марина уже схватила Ноэля и прижала к груди.

— Дыши, — прошептала она. — Ну же. Ты не имеешь права уходить. Я из-за тебя только что отказалась от отличной реанимации.

Мальчик не дышал.

— Нет, — сказала Марина. — Нет-нет-нет.

Она уложила его на пол, запрокинула голову, начала надавливания на грудь. Раз. Два. Три. Воздух в лёгкие. Снова. Снова. Запястья болели, глаза жгло, мир расплывался.

— Ноэль! — голос Райнара сорвался рядом.

— Не мешай! — закричала она. — Держи его голову!

Он подчинился мгновенно.

Пять надавливаний. Десять. Пятнадцать.

— Дыши, малыш, — шептала Марина. — Я осталась. Слышишь? Я осталась, так что и ты оставайся.

На двадцать седьмом надавливании Ноэль судорожно вдохнул.

Марина почти упала на него от облегчения.

Райнар закрыл глаза. На его лице не было слёз, но Марина видела: что-то в нём сломалось и тут же стало другим.

За их спиной лжец исчезал.

Но перед тем как темнота рассыпалась пеплом, из неё донёсся тихий женский смех.

Не Лиары.

Другой.

Знакомый Марине только по зеркалу.

— Спасибо, — прошептала Элиана Морвейн. — Теперь дверь открывается с другой стороны.

Кольцо в чаше лопнуло.

И где-то далеко, в восточном крыле замка, ответил тяжёлый скрип.

Райнар медленно поднял голову.

— Что это было?

Марина сидела на полу, держа живого Ноэля за руку, и смотрела на потухший камень.

Она больше не слышала сирен.

Больше не чувствовала дождя.

Больше не могла вернуться.

— Кажется, — сказала она тихо, — я только что умерла окончательно.

Из глубины замка донёсся второй скрип.

Будто кто-то очень древний, очень терпеливый и очень голодный открыл дверь, которую все считали закрытой.

И на этот раз он открывал её не снаружи.

А изнутри.

Глава 6. Изнутри

Второй скрип раздался глубже.

Не в коридоре. Не за стеной. Где-то в самой толще замка, будто камень, дерево, железо и старые кости дома разом вспомнили боль, которую много лет держали запертой.

Ноэль лежал на полу, бледный, с влажными волосами, но дышал. Каждый его вдох был хриплым, тонким, неровным — и всё же живым. Марина держала пальцы на его шее и боялась убрать руку: вдруг пульс исчезнет, как исчезла сирена за чёрной дверью, как исчез запах дождя, как исчезла её прежняя жизнь.

Райнар стоял на коленях рядом.

Он тоже смотрел на сына. Но Марина чувствовала: часть его внимания всё ещё там, в конце коридора, где только что распалась дверь между мирами, а где-то далеко проснулась другая.

— Нужно перенести его, — сказала она. Голос прозвучал глухо, как чужой. — Нельзя держать ребёнка на холодном полу.

Райнар поднял Ноэля на руки.

Так осторожно, словно боялся не веса, а самой возможности причинить боль. Мальчик слабо пошевелился, уткнулся лицом в плечо отца и прошептал что-то невнятное. Может быть, «мама». Может быть, «не уходи». А может быть,

просто звук ребёнка, которому наконец позволили перестать быть храбрым.

Марина попыталась встать.

Не смогла.

Колени подломились. Мир качнулся. В висках зашумело. Она успела ухватиться за косяк, но пальцы соскользнули, и она почти упала бы, если бы Райнар, с Ноэлем на руках, не сделал невозможное: шагнул к ней и подставил плечо.

— Держитесь.

— Я в порядке.

— Это уже не ложь, а упрямство.

— В медицине это называется стабильное состояние.

— В армии за такое состояние хоронят утром.

Она хотела ответить резко, но сил не хватило. Только коротко, почти беззвучно рассмеялась — и тут же почувствовала, как в горле встают слёзы.

Не сейчас.

Не при нём.

Не после того, как она сама закрыла себе путь назад.

Райнар заметил. Конечно, заметил. Но ничего не сказал. Просто медленно повёл её обратно в детскую, всё ещё держа сына на руках. В этом странном шествии было что-то неправильное и почти семейное: генерал с ребёнком, женщина в окровавленном платье, тлеющие факелы, два стражника, которые приходили в себя на полу и смотрели на них так, будто проснулись в чужом кошмаре.

Лисса ворвалась в детскую через минуту.

— Пресвятая Мать Севера...

Она замерла на пороге. Увидела Ноэля на кровати. Увидела кровь на шее Райнара. Увидела Марину, стоящую у стены и прижимающую ладонь к пустому пальцу.

Кольца больше не было.

Старая служанка побледнела.

— Где камень?

Марина молчала.

Райнар ответил вместо неё:

— Уничтожен.

Лисса отступила на шаг.

Не от страха перед ним. Перед Мариной.

— Милорд, это невозможно.

— Я видел.

— Чёрный камень не уничтожают. Его передают. Запирают. Топят в крови дракона. Но не уничтожают.

Марина медленно подняла на неё глаза.

— Значит, поздравляю. Сегодня у вас день невозможного.

Лисса не улыбнулась.

— Миледи, вы не понимаете. Кольцо было замком. Не ключом. Замком.

Тишина после этих слов стала такой плотной, что Ноэль закашлялся во сне.

Марина повернулась к Райнару.

— Вы знали?

Он смотрел на Лиссу.

— Нет.

— Милорд...

— Нет, — повторил он тише, и в этом тоне было предупреждение. — Мне говорили, что кольцо удерживает проклятие Элианы. Что пока оно на ней, дверь не откроется.

Лисса опустила глаза.

— Вам говорили то, что вы готовы были услышать.

Райнар застыл.

Очень тихо. Очень опасно.

— Осторожнее.

Но Лисса вдруг выпрямилась. Старая, маленькая по сравнению с ним, в простом сером платье, она на мгновение стала сильнее всех в комнате.

— Нет, милорд. Осторожными мы были пять лет. Молчали. Прятали письма. Не называли имён. Делали вид, что восточное крыло мертво. И вот — ребёнок почти умер, ваша жена пришла из другого мира, кольцо расколото, а дверь, которую вы велели замуровать, скрипит сама по себе. Довольно осторожности.

Марина смотрела на неё с внезапным, холодным вниманием.

— Какие письма?

Лисса закрыла рот.

Поздно.

Райнар резко повернулся к ней.

— Какие письма?

За окнами детской поднялся ветер. Он ударил в стёкла снежной крошкой, и пламя свечей вытянулось в сторону восточного крыла.

Лисса стала совсем белой.

— Леди Лиара оставила их в ночь смерти. Для вас. И для наследника.

Райнар словно не понял.

— Для меня?

— Да.

— Где они?

Старая служанка дрожала, но ответила:

— Там, где вы запретили всем искать. В восточном крыле.

Марина почувствовала, как пустой палец снова заболел. Не кожа — место, где было кольцо. Словно невидимый камень продолжал жечь её изнутри.

— Значит, идём туда, — сказала она.

— Вы никуда не пойдёте, — резко бросил Райнар.

Она повернулась к нему медленно.

— Я только что умерла во второй раз за неделю. Не думаю, что ваш приказ произведёт на меня нужное впечатление.

Лисса тихо охнула.

Райнар сделал шаг к Марине. Его лицо было закрытым, жестоким от напряжения.

— Вы едва стоите.

— Тогда буду идти красиво и недолго.

— Там может быть то, что убило мою сестру.

— И то, что продолжает убивать вашего сына.

Они смотрели друг на друга через кровать Ноэля.

Ребёнок спал, сжав кулак у груди. На его шее чёрные прожилки исчезли, но кожа оставалась слишком прозрачной. Слишком тонкой границей между жизнью и тем, что ждало за дверью.

Райнар первым отвёл взгляд.

Не потому что сдался.

Потому что понял: она права.

— Лисса, останетесь с Ноэлем. У двери — четыре стражника. Никого не впускать, даже если придёт мой двойник, мой отец или сама императрица.

— А если придёте вы? — спросила Лисса.

Райнар на миг задержался.

— Спросите, что Лиара сломала мне в детстве.

Марина удивлённо посмотрела на него.

— И что?

— Нос. Трижды.

Впервые за всю ночь Лисса коротко, судорожно улыбнулась.

— Тогда идите, милорд. И верните нам правду, пока она сама не пришла за мальчиком.

Восточное крыло начиналось за галереей портретов.

Марина помнила эту галерею смутно — не своей памятью, а телом. Здесь Элиана когда-то проходила в шёлковых пла-

тнях, с холодной спиной, с подбородком, поднятым слишком высоко, чтобы кто-нибудь увидел страх. Марина чувствовала это обрывками: запах дорогих духов, стук каблуков, шёпот слуг за спиной, мужской голос из тени: ещё немного, ле-
ди Морвейн, и вы получите свободу.

Она остановилась.

— Что? — спросил Райнар.

— Элиана кого-то боялась.

— Она многих заставляла бояться себя.

— Это другое.

Марина приложила ладонь к стене. Камень был ледяной. Под пальцами будто дрогнула чужая память.

Темнота. Письмо в руке. Чёрная сургучная печать. Голос: если мальчик умрёт, генерал сломается. Если генерал сломается, Север откроется.

Она резко отдернула руку.

— Элиану использовали.

Райнар ничего не сказал.

Но она увидела, как напряглись мышцы у его челюсти. Он всё ещё хотел ненавидеть прежнюю жену. Ненависть была для него привычным оружием. Удобным. Простым. Но правда уже выбивала его из рук.

Галерея становилась всё холоднее.

Портреты Морвейнов смотрели со стен: мужчины и женщины с золотыми глазами, тёмными волосами, гордыми лицами. Но чем ближе они подходили к восточному крылу, тем

сильнее менялись картины. На одном портрете у женщины исчезло лицо. На другом ребёнок был закрашен чёрным. На третьем дракон за спиной лорда повернул голову, хотя должен был быть неподвижной краской.

Марина остановилась перед последним портретом.

Молодая женщина в охотничьем камзоле, с мечом у бедра и улыбкой человека, который слишком мало боялся смерти. В уголке рамы — имя: Лиара Морвейн.

Лицо было перечёркнуто трещиной.

— Она похожа на вас, — сказала Марина.

— Она была лучше меня.

Ответ прозвучал сразу. Без защиты.

Марина посмотрела на него, но Райнар уже шёл дальше.

У запечатанного прохода лежал снег.

Внутри замка.

Тонкий слой белого инея покрывал пол, ступени, железные скобы. Каменная кладка, которой когда-то замуровали арку, была расколота посередине. Не взорвана. Не выбита. Раздвинута изнутри, как если бы кто-то за стеной терпеливо положил ладони на камень и толкал, толкал, толкал — пять долгих лет.

Из щели тянуло холодом.

И больницей.

Марина остановилась.

Запах был слабым, почти невозможным, но она узнала его мгновенно: спирт, озон от старого аппарата, пластик капель-

ниц. Не весь её мир. Только то место, где люди висят между «осталась» и «ушла».

— Вы чувствуете? — спросила она.

— Смерть.

— Нет. Реанимацию.

Райнар не понял слово, но понял её лицо.

— Там ваш мир?

— Не знаю.

— Хотите вернуться?

Вопрос был тихим. Почти ровным.

Но в нём было столько сдержанного страха, что Марина не смогла ответить сразу.

Она могла сказать: нет. Могла соврать красиво. Могла сказать, что теперь её место здесь, рядом с мальчиком, с тайной, с ним. Но правда была иной.

— Часть меня всегда будет хотеть, — сказала она.

Райнар кивнул.

Как человек, которому нанесли удар и который принял его стоя.

— Спасибо за честность.

— Не благодарите. Она у меня обычно выходит невежливо.

Он почти улыбнулся. Почти.

Потом поднял меч и ударил по трещине.

Камень разошёлся.

За проходом не было коридора.

Там стояла комната.

Огромный зал, сгоревший и промёрзший одновременно. Пол — чёрный от старой крови. Потолок — обугленный. В центре — круглый алтарь, рассечённый надвое. А за ним — дверь.

Настоящая восточная дверь.

Высокая, чёрная, гладкая, как обсидиан. На ней не было ручки. Только углубление в форме кольца.

Марина медленно посмотрела на свою пустую руку.

— Кажется, у нас проблема.

Райнар не ответил.

Он смотрел на пол.

У алтаря, прямо на чёрном камне, лежало письмо. Бумага пожелтела, но не сгорела. Печать была сломана.

Райнар поднял его.

Марина увидела, как изменилось его лицо, едва он узнал почерк.

— Это Лиара?

Он кивнул.

Письмо дрожало в его руке, хотя сам он стоял неподвижно.

— Прочитайте, — сказала Марина.

Он развернул лист.

И в этот момент дверь за алтарём тихо стукнула.

Один раз.

Будто с другой стороны кто-то приложил костяшки паль-

цев.

Райнар поднял меч.

Стук повторился.

Потом женский голос, приглушённый толщей чёрного камня, произнёс:

— Райнар? Ты всё-таки пришёл.

Он побледнел.

Марина почувствовала, как сердце уходит вниз.

Голос был голосом Лиары.

Но Ноэль остался в детской.

— Не открывай, — прошептала Марина.

Из-за двери донёсся тихий смех.

— Поздно, доктор. Ты уже открыла меня изнутри.

Письмо в руках Райнара вспыхнуло алым пламенем, и на стене проступила новая строка:

Чтобы спасти мальчика, отдайте мне ту, что умерла дважды.

Марина не успела отступить.

Пол под её ногами раскрылся чёрным кругом.

Последнее, что она увидела, — как Райнар бросается к ней через зал, крича её имя.

А потом тьма сомкнулась.

И в этой тьме кто-то взял Марину за руку очень нежно.

— Здравствуй, сестра по смерти, — сказала Элиана Морвейн. — Нам давно пора поговорить.

Глава 7. Сестра по смерти

Тьма оказалась не пустотой.

Марина поняла это не сразу. Сначала было ощущение падения — длинного, невозможного, без ветра, без удара, без конца. Потом тело будто перестало быть телом: исчезла боль в запястьях, тяжесть платья, холод камня под ногами. Осталась только ладонь, которую кто-то держал.

Женская рука.

Тёплая.

Слишком живая для мёртвой.

— Не дёргайся, — сказал голос рядом. — Здесь сопротивление только глубже затягивает.

Марина открыла глаза.

И увидела комнату.

Не замковый зал, не больницу, не коридор между мирами. Комната была похожа на спальню Элианы Морвейн, но словно собранную из чужих воспоминаний: у одной стены стояло зеркало в человеческий рост, у другой — детская кроватка, покрытая пеплом. На полу лежали письма. Много писем. Они шевелились, как листья на ветру, хотя ветра не было.

За окном падал чёрный снег.

А напротив стояла Элиана.

Не отражение. Не призрак, вытянутый из кольца. Женщина из плоти и света, в тёмном платье, с бледным лицом и гла-

зами, слишком похожими на глаза Марины теперь. Тонкие губы, гордая линия шеи, тень усталости под скулами.

Красота, испорченная страхом.

— Ты... — Марина отступила. — Ты настоящая?

Элиана усмехнулась.

— Это грубый вопрос для женщины, которая носит моё тело.

Марина почувствовала, как внутри поднимается злость. Хорошая, простая, человеческая. На неё можно было опереться.

— А ты, видимо, решила, что вежливость уместна после того, как заманила меня в дыру под полом?

— Я не заманивала.

— Конечно. Я сама провалилась в уютную загробную гостиную.

— Это не загробный мир.

Элиана подошла к зеркалу. В его стекле не было отражения. Только тёмная поверхность, внутри которой медленно проплывали лица: Лиара, Ноэль, Райнар, старая Лисса, незнакомая женщина с белыми волосами, а потом — лицо самой Марины. Настоящее. Из другого мира. Мёртвенно-бледное, с трубкой во рту, под больничной лампой.

Марина отвернулась слишком резко.

Элиана заметила.

— Больно?

— Что именно? Видеть собственный труп или разговари-

вать с женщиной, из-за которой меня все хотят казнить?

— Ты не видела мой труп, Марина. Ты в нём живёшь.

Ответ ударил неожиданно точно.

В комнате на мгновение стало тихо. Письма у ног перестали шевелиться.

— Тогда объясни, — сказала Марина. — Всё. С самого начала. Без загадок, без кровавых надписей, без «не открывайте дверь». Кто ты? Что сделала с Лиарой? Почему Ноэль умирает? И почему эта тварь носит чужие лица?

Элиана долго смотрела на неё. Потом опустилась в кресло у холодного камина. Движение было изящным, привычным — так садятся женщины, которых с детства учили не показывать усталости даже перед зеркалом.

— Меня выдали за Райнара, когда мне было девятнадцать. Я была дочерью южного дома, красивой, пустой и очень хорошо обученной. Меня учили улыбаться, молчать и помнить, что любая ласка мужчины — это ступенька к власти.

— Не похоже на счастливое детство.

— Счастье считалось дурным вкусом.

Марина не ответила.

Элиана взяла с пола письмо. Бумага рассыпалась у неё в пальцах пеплом.

— Райнар меня ненавидел с первого дня. Не грубо. Не громко. Хуже. Он был безупречно вежлив. Смотрел сквозь меня, как сквозь политический договор. А я... я решила, что если не могу получить его любовь, получу страх этого дома.

— Поэтому запирала Ноэля в тёмной комнате?

Взгляд Элианы дрогнул.

Первый раз.

— Да.

Марина ощутила холодную ярость.

— Он был ребёнком.

— Я знаю.

— Нет. Ты не знаешь. Если бы знала, не смогла бы.

Элиана подняла глаза. В них не было оправдания. Только боль, слишком старая, чтобы просить прощения.

— Смогла. В этом весь ужас, доктор. Люди могут почти всё, если достаточно долго убеждают себя, что их собственная боль важнее чужой.

Марина замолчала.

Ей хотелось ненавидеть Элиану. Было бы легче. Удобнее. Прежняя хозяйка тела — чудовище, Марина — спасительница, Райнар — ошибся, Ноэль — жертва. Простая схема. Но перед ней сидела не схема. Женщина, которая уже знала, что стала худшей версией себя.

— Когда ты поняла? — спросила Марина тише.

— В ночь, когда Ноэль впервые назвал меня матерью.

Элиана отвернулась к чёрному окну.

— Он стоял в коридоре. Маленький, босой, с деревянным драконом в руках. Его лихорадило. Лисса заболела, Райнар был на границе, а лекарь сказал, что нужно ждать. Я велела унести мальчика. Он испугался и схватил меня за платье. Я

хотела оттолкнуть его. И вдруг он сказал: «Мама, не уходи». Просто так. Ошибся от жара. А я поняла, что за все годы в этом доме ни разу не была нужна кому-то не как жена, не как заложница, не как ключ к союзу. А просто как рука, которая не уйдёт.

Марина сжала пальцы.

В груди стало тяжело.

— И ты не ушла?

— В ту ночь — нет.

Элиана горько улыбнулась.

— А потом ко мне пришёл человек с лицом моего отца. Только отец к тому времени умер. Он сказал, что знает, как сделать Ноэля здоровым, Райнара — свободным от Совета, а меня — любимой.

— Тот, кто носит лица.

— Мы называли его Безликий. Он жил за восточной дверью. Не демон. Не дух. Что-то старше наших слов. Он питается тем, что люди прячут от самих себя. Виной. Завистью. Желанием быть выбранным. Ему нужна дверь в живой мир, но сам он пройти не может. Только через приглашение.

Марина вспомнила: вместе вы — приглашение.

— Лиара открыла дверь?

— Лиара хотела её закрыть навсегда.

В комнате стало холоднее.

Элиана встала и коснулась зеркала. Внутри него вспыхнула картина.

Восточный зал. Живой, не сгоревший. Свечи. Алтарь. Лиара с мечом у бедра. Элиана рядом — бледная, испуганная, с кольцом на пальце. Маленький Ноэль без сознания на руках у Лиссы. Райнара нет.

— Лиара узнала, что лекарь травит мальчика малыми дозами, — сказала Элиана. — Не чтобы убить сразу. Чтобы ослабить кровь. Чтобы Безликий мог слышать его во сне. Я помогала лекарю, не понимая всего. Думала, это просто средство, чтобы болезнь выглядела хуже. Чтобы Райнар отчаялся. Чтобы он согласился на обряд.

Марина повернулась к ней.

— Ты травила Ноэля.

— Да.

Слово прозвучало почти беззвучно.

— А потом пыталась спасти. Это не отменяет первого.

— Я знаю.

— Хорошо. Потому что я не собираюсь тебя жалеть только потому, что ты теперь красиво страдаешь.

Элиана усмехнулась. В этой усмешке впервые появилось что-то живое.

— Ты жестокая.

— Я врач. Мы называем это точной диагностикой.

В зеркале Лиара резала ладонь, чертила кровью знак на алтаре. Элиана плакала, пытаясь снять кольцо. Но кольцо не снималось.

— Лиара поняла, что кольцо — не просто украшение. Оно

было печатью. Замком, который держал Безликого внутри восточной двери. Но чтобы замок работал, нужен был живой носитель. Меня сделали носителем через брак с Райнаром. Через имя Морвейн.

— Поэтому он думал, что кольцо удерживает твоё проклятие.

— Ему так сказали. Проще ненавидеть жену, чем признать, что весь род построил защиту на женщине, которую использовали как засов.

Марина медленно вдохнула.

— А Лиара?

Картинка в зеркале дрогнула.

Чёрная дверь открылась. Из неё вышел Райнар.

Марина сразу поняла: не он.

Та же улыбка. Гладкая. Мёртвая.

Лиара тоже поняла слишком поздно.

Безликий ударил её не ножом и не когтями. Он просто взял её лицо обеими руками — и Лиара начала исчезать. Не умирать. Становиться пустой.

Элиана в воспоминании закричала.

Настоящая Элиана закрыла глаза.

— Я пыталась закрыть дверь. Не успела. Лиара поняла, что если он заберёт её полностью, то получит кровь Морвейн и выйдет. Она сама бросилась в печать. Сожгла себя между дверью и замком. Поэтому часть её осталась в Ноэле. Часть — в письмах. Часть — там, за чёрным камнем.

Марина смотрела на отражение и чувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— А ты?

— Я выжила. Самое трусливое, что можно сделать после чужой жертвы.

— Потом тебя убили?

Элиана молчала.

Письма на полу снова зашевелились.

— Нет, — сказала Марина, вдруг понимая. — Ты сама открыла путь. Ты искала кого-то вроде меня.

Элиана посмотрела на неё.

— Мне нужен был человек, который умеет возвращать с границы. И который, оказавшись перед выбором, спасёт ребёнка, а не себя.

Марина похолодела.

— Ты устроила мою смерть?

— Нет. Я не могла дотянуться до твоего мира. Но я слышала умирающих. Ты была рядом. Разорванная между телом и уходом. Я позвала.

— Ты украла мою жизнь.

— Да.

Марина ударила её.

Ладонь прошла бы сквозь призрака, если бы Элиана была призраком. Но удар получился настоящим. Голова Элианы резко повернулась, на губе выступила кровь.

Они обе замерли.

Потом Элиана медленно коснулась разбитой губы.

— Справедливо.

— Не смей решать за меня, — прошептала Марина. —
Никогда. Слышишь? Ты не бог, не судьба, не мученица. Ты
просто испуганная женщина, которая решила заплатить чужой
жизнью за свои ошибки.

— Да.

— И теперь хочешь, чтобы я всё исправила?

— Нет.

Элиана подняла на неё глаза.

— Теперь я хочу, чтобы ты убила меня.

Комната вздрогнула.

Где-то далеко, будто сквозь толщу земли, Марина услышала
голос Райнара:

— Марина!

Элиана быстро обернулась.

— Он ищет тебя.

— Выпусти меня.

— Не могу. Пока я жива здесь, Безликий держит дверь
изнутри. Я стала вторым замком, когда кольцо расколосось.
Но он уже ест меня. Когда доест — выйдет через Ноэля.

— Как тебя убить?

Элиана подошла к детской кровати, покрытой пеплом.
Подняла с неё деревянного дракона со сломанным крылом.
Такого же, как у Ноэля.

— Нужно, чтобы Райнар прочитал письмо Лиары до кон-

ца. Там имя первого, кто пригласил Безликого. Имя даёт власть. А ты должна будешь вспомнить свою настоящую смерть.

Марина застыла.

— Зачем?

— Потому что ты не умерла от машины, доктор. Это была только дверь.

Тьма за окном дрогнула. В чёрном снегу появилось огромное лицо без черт.

Безликий слушал.

Элиана схватила Марину за руку.

— Просыпайся. И никому не верь, если он будет говорить твоим голосом.

— Что это значит?

Но комната уже рушилась.

Письма взлетели вихрем. Зеркало треснуло. Чёрный снег ворвался внутрь, превращаясь в руки, лица, рты.

Последнее, что Марина слышала, был шёпот Элианы у самого уха:

— Тот, кто убил тебя в твоём мире, уже здесь.

Марина раскрыла глаза на каменном полу восточного зала.

Над ней склонился Райнар. Его лицо было бледным, злым, испуганным.

— Вы слышите меня?

Она схватила его за ворот.

— Письмо, — выдохнула она. — Читай письмо Лиары.
Сейчас.

Чёрная дверь за алтарём тихо открылась ещё на ладонь.

И из темноты донёсся голос Марины Орловой.

Её настоящий голос.

— Не слушай её, генерал. Она лжёт.

Глава 8. Голос из двери

— Не слушай её, генерал. Она лжёт.

Голос был её.

Не похожий. Не искусно подделанный. Её настоящий голос — чуть хрипловатый после ночных смен, резкий, когда она злилась, усталый на последних словах фразы. Голос Марины Орловой, врача скорой помощи, женщины из мира дождя, сирен и белых ламп.

Марина лежала на холодном полу восточного зала и вдруг поняла, что сильнее всего пугает не смерть.

А возможность услышать себя со стороны.

Райнар медленно поднял голову.

Чёрная дверь за алтарём была приоткрыта на ладонь. Из щели не тянуло больше больницей. Теперь оттуда пахло мокрой землёй после пожара и чем-то сладким, испорченным, будто цветы слишком долго стояли у гроба.

— Генерал, — снова произнёс её голос из темноты. — Она не Марина. Не Элиана. Она то, что вышло через кольцо. Посмотри на неё.

Райнар не двигался.

Марина всё ещё держала его за ворот. Пальцы почти не слушались, но она сжала ткань сильнее.

— Письмо, — повторила она. — Райнар, читай письмо.

Он посмотрел на неё.

И в этом взгляде было всё, чего она боялась: сомнение, боль, усталость, желание поверить хоть чему-нибудь окончательно. Он видел слишком много за эти дни. Жену, которая стала другой. Двойника с его лицом. Мёртвую сестру в голосе сына. Дверь, которая говорила голосом женщины из чужого мира.

Любой человек на его месте сошёл бы с ума.

Райнар просто стал ещё тише.

— Скажи мне то, что Безликий не знает, — произнёс он.

Марина моргнула.

— Что?

— Сейчас.

Из двери донёсся мягкий смешок её голосом:

— Не отвечай. Он проверяет тебя. Он всегда проверяет тех, кого боится любить.

Марина почувствовала, как у неё внутри что-то болезненно дрогнуло. Но она не отвела взгляда от Райнара.

— В детстве Лиара ломала тебе нос. Трижды. Ты велел Лиссе спрашивать это, если придёшь к Ноэлю.

Райнар не моргнул.

— Это мог слышать кто-то в коридоре.

— Тогда ещё. Ты не просил меня остаться, когда отпускал. Сказал, чтобы я вернулась только если сама выберу этот дом.

Его лицо дрогнуло.

Дверь тихо стукнула.

— Она читает твою память, — сказал голос Марины из

темноты. — Ты сам впустил её, когда назвал семьёй.

Райнар резко повернулся к двери.

— Молчать.

Голос рассмеялся.

Так Марина никогда не смеялась.

И именно это спасло её.

Райнар встал, помогая ей подняться, но не выпуская из виду чёрную щель.

— Держитесь позади меня.

— Я уже была позади вас. Меня затянуло в пол.

— Тогда держитесь сбоку.

— Прогресс.

Она пошатнулась. Он на миг удержал её за локоть. Прикосновение было коротким, деловым, но от него у Марины в груди снова возникла та опасная, неуместная теплота. Она тут же разозлилась на себя. На фоне двери, демона и окончательной смерти в другом мире влюбляться было верхом непрофессионализма.

На алтаре лежало письмо Лиары.

Пламя, вспыхнувшее раньше, не сожгло его полностью. Края обуглились, середина уцелела. Райнар поднял лист двумя пальцами так осторожно, будто держал не бумагу, а последнюю кость из могилы сестры.

— Читайте вслух, — сказала Марина.

— Почему?

— Элиана сказала: имя даёт власть. Возможно, его долж-

ны услышать все, кто связан с дверью.

— Элиана, — повторил он глухо.

В одном имени было столько непрожитого гнева, что Марина невольно посмотрела на него.

— Она виновата. Но не только она.

— Не оправдывайте её.

— Я не оправдываю. Я пытаюсь не умереть из-за вашей привычки делить людей на виновных и мёртвых.

Райнар резко взглянул на неё.

На миг ей показалось, что он скажет что-то жестокое. Но он только сжал челюсть и развернул письмо.

Голос Лиары оказался в строках живым. Быстрым. Нетерпеливым. Словно она писала на бегу, злясь на чернила за то, что те не успевают за мыслью.

— «Райнар, если ты читаешь это, значит, я не смогла сказать тебе в лицо. Не потому, что боялась. Ты знаешь, я всегда боялась меньше, чем следовало. А потому, что в этом доме стены уже слушают не нас».

Дверь скрипнула.

Марина обернулась. Щель стала шире. В темноте за ней что-то двигалось — не тело, не тень, а множество лиц, наложенных одно на другое. Среди них на миг мелькнуло её собственное лицо.

— Быстрее, — сказала она.

Райнар продолжил:

— «Ноэль болен не от рождения. Его кровь открыли. Де-

ляли это малыми дозами через лекарство, чтобы никто не заметил. Я думала, виновна только Элиана, но она такая же пешка, как и я была дурой. Безликий не входит сам. Его приглашают через желание. Через страх. Через сделку».

Голос из двери стал тише:

— Не читай дальше, братец.

Райнар побледнел.

Голос больше не был голосом Марины.

Теперь он был голосом Лиары.

— Райнар, пожалуйста. Не надо.

Марина увидела, как у него напряглась рука. Письмо задрожало.

— Это не она, — сказала Марина.

— Я знаю.

Но он не читал.

— Райнар.

Он закрыл глаза.

Из двери Лиара прошептала:

— Ты опять опоздал. Как тогда. Помнишь, как я звала тебя? А ты стоял и смотрел на кровь на руках Элианы. Ты выбрал ненависть, потому что она была проще, чем правда.

Райнар вдохнул резко, почти со свистом.

Марина шагнула к нему и ударила ладонью по письму.

— Читай.

Он открыл глаза. В них полыхнуло золото.

И прочёл:

— «Если меня не станет, ищи первого предателя не среди женщин, которых тебе удобно обвинять. И не среди южных домов. Тот, кто впустил Безликого, носит имя Морвейн до твоего рождения».

Дверь ударилась о невидимую преграду.

Раз.

Второй.

С потолка посыпалась пыль.

— «Он продал нашу кровь за победу в Северной войне. Он заключил договор, по которому каждый третий наследник рода будет сосудом. Ноэль — третий. Поэтому мальчик слышит дверь. Поэтому его травят. Поэтому Элиану сделали замком: жена без любви, с именем Морвейн и пустотой внутри — идеальная клетка».

Райнар остановился.

Марина поняла почему.

Следующая строка была темнее остальных. Будто чернила смешались с кровью.

— Дальше, — сказала она.

Он не двигался.

— Райнар.

— Нет.

— Это имя?

Он сжал письмо так, что оно едва не порвалось.

Из двери донёсся голос старика. Глубокий, властный, знакомый Райнару так сильно, что генерал пошатнулся.

— Сын.

Марина почувствовала, как холод проникает под рёбра. Райнар медленно повернулся к двери.

— Отец?..

— Не верь мёртвым девочкам, — сказал голос. — Не верь чужой женщине в теле твоей жены. Я дал Северу мир. Я дал тебе власть. Я дал нашему роду выжить.

Райнар стоял неподвижно.

Марина тихо произнесла:

— Первый предатель — ваш отец.

Он не ответил.

Но она увидела, как ломается то, что держало его всю жизнь: род, честь, память, фамилия. Всё, чем он прикрывал одиночество, оказалось построено на договоре с тварью за дверью.

Из темноты вышло лицо.

Не полностью. Только очертания старого мужчины в военном мундире, с золотыми глазами Морвейнов и седыми волосами. Он был похож на Райнара так, как памятник похож на живого человека: величественнее, холоднее, мертвее.

— Открой дверь, сын, — сказал старик. — Верни мне имя, и я спасу мальчика. Безликий не враг. Он цена. Север всегда платил цену.

— Ноэль не цена, — сказала Марина.

Старик повернул к ней голову.

— А ты кто такая, чтобы говорить о нашей крови?

— Врач.

— Ты мертва.

— Бывает, но я всё ещё лучше вас выгляжу.

Лицо старика исказилось.

Дверь распахнулась ещё на несколько пальцев. Тьма потянулась к алтарю, к письму, к Райнару.

— Читай имя! — крикнула Марина.

Райнар смотрел на призрак отца.

— Он был героем, — сказал он глухо. — Мне говорили...

— Вам говорили то, что вы готовы были услышать, — повторила Марина слова Лиссы. — Но сейчас у вас есть выбор услышать другое.

— Ты ничего не понимаешь.

— Понимаю. Я тоже однажды построила всю жизнь вокруг вины. Думала, если буду спасать всех подряд, одна смерть перестанет кричать у меня в голове. Не перестала. Потому что мёртвым не нужны наши алтари. Им нужна правда.

Старик рассмеялся.

— Она делает тебя слабым.

Райнар поднял голову.

— Нет.

Он повернулся к двери, и Марина впервые увидела на его лице не ярость.

Свободу.

Страшную, болезненную свободу человека, который на-

конец перестал защищать ложь.

— Слабым меня сделало то, что я пять лет верил мёртвому отцу больше, чем живым женщинам.

Он развернул письмо и прочёл последнюю строку:

— «Имя первого предателя — Астор Морвейн, Хранитель Севера, наш отец».

Имя ударило по залу, как молния.

Чёрная дверь взвыла.

Лицо старика треснуло. Под ним мелькнули другие лица — солдаты, дети, женщины, старики, все, кого Безликий носил в себе, как маски. Но теперь среди них горело имя. А имя делало его уязвимым.

Марина почувствовала боль в пустом пальце.

Не кольцо. След от него.

Алый свет проступил прямо из кожи, тонкий и слабый.

— Марина! — Райнар шагнул к ней.

Она поняла раньше, чем он.

Кольцо расколото, но замок остался в носителе.

В ней.

Безликий тоже понял.

Тьма метнулась не к Райнару.

К Марине.

Она упала на колени, хватаясь за горло. Внутри вдруг стало тесно, будто кто-то пытался надеть её кожу изнутри. Перед глазами вспыхнул дождь, сирены, лицо водителя за лобовым стеклом.

Не случайность.

Она увидела его глаза.

Чёрные.

— Тот, кто убил меня... — выдохнула она. — Он был уже

Безликим.

Райнар схватил меч.

Но Марина знала: меч не поможет.

В её голове зазвучал голос Элианы:

Вспомни свою настоящую смерть.

И память открылась.

Машина вылетела на встречную не потому, что водитель был пьян. Он смотрел прямо на неё. Улыбался. Её собственным лицом.

Безликий искал врача. Женщину на границе. Ту, кто может пройти туда, куда другие не проходят.

Марина подняла глаза на Райнара.

— Он не через Ноэля хотел выйти.

Голос сорвался.

— Через меня.

Дверь распахнулась настежь.

И из темноты вышла Марина Орлова.

Настоящая. В окровавленной куртке скорой помощи, с разбитым виском и чёрными глазами.

Она улыбнулась Райнару.

— Ну здравствуй, генерал. Вернёшь мне моё тело?

Глава 9. Моё лицо

Марина Орлова стояла в проёме восточной двери.

В куртке скорой помощи. В мокрых от дождя волосах. С разбитым виском, по которому тянулась тёмная дорожка крови. На груди — знакомая нашивка, карман с ножницами, пятно йода у рукава. Всё было настоящим до боли: складки ткани, грязь на ботинках, синяк на скуле, тонкая серебряная цепочка на шее, которую Марина носила семь лет и однажды потеряла в приёмном покое.

Она смотрела на Райнара и улыбалась.

Марина — та, что теперь жила в теле Элианы, — не могла вдохнуть.

Так, наверное, чувствует себя человек, увидевший собственное отражение, которое вдруг выходит из зеркала и просит вернуть ему жизнь.

Райнар поднял меч, но не ударил.

Он тоже смотрел.

Не на куртку, не на кровь, не на чужой для него мир, прилипший к этой женщине дождём и запахом асфальта. Он смотрел на лицо.

На настоящее лицо Марины.

— Не подходите к ней, — сказала Марина.

Голос её прозвучал сдавленно. Слишком слабо.

Та, другая, повернула голову.

— К ней? — переспросила она. — Забавно. Ты уже говоришь обо мне в третьем лице.

— Ты не я.

— А кто ты тогда?

Вопрос оказался не громким, не угрожающим. Почти ласковым. И оттого Марине стало холоднее, чем от ветра за дверью.

Безликий в её лице сделал шаг вперёд.

Чёрная дверь за его спиной не закрылась. Там клубилась темнота, и внутри неё мелькали больничные лампы, каменный алтарь, лицо старика Астора Морвейна, рот Элианы, шепчущий что-то беззвучно. Все миры смешались в одной ране.

— Стой, — приказал Райнар.

Другая Марина остановилась. Подняла руки, будто сдавалась.

— Генерал, вы ведь умный человек. Хотя упрямый до глупости. Посмотрите на нас. Перед вами две женщины. Одна — в теле вашей жены, которую вы ненавидели. Другая — в теле, которое она называет своим. Кто из нас больше похож на правду?

Райнар молчал.

Марина видела, как напряглись его пальцы на рукояти меча. Он не верил той, что вышла из двери. Но слова всё равно попадали в него, как тонкие иглы. Потому что в них была логика. Страшная, ядовитая, почти неотразимая.

— Она знает вещи, которых не должна знать, — продолжила другая Марина. — Лечит вашими неизвестными методами. Говорит о мирах. Меняет лицо вашей жены изнутри. И всё это время вы ни разу не спросили себя: а что, если настоящая Марина всё ещё там? Что, если перед вами не спасительница, а захватчица?

Марина сделала шаг вперёд.

— Довольно.

— Тебе больно слышать? — Безликий улыбнулся её губами. — А мне было больно умирать на асфальте, пока ты занимала чужую кожу.

— Ты не умирал.

— Правда?

Он поднял руку и коснулся разбитого виска.

Кровь была красной.

Слишком красной.

Марина почувствовала, как внутри поднимается тошнота. Не от вида крови — кровь она знала. От невозможности. От того, что её тело, её настоящее тело, стояло перед ней и дышало. Даже если внутри него была тварь.

— Ты убил меня, — сказала она.

— Нет. Я открыл тебе дверь.

— Машиной?

— У каждого мира свои инструменты.

Райнар резко шагнул вперёд.

— Ещё слово — и я отрублю тебе голову, кем бы ты ни

было.

Безликий посмотрел на него с любопытством.

— А если это её голова?

Меч Райнара дрогнул.

Всего на миг.

Марина это увидела. И Безликий тоже.

— Вот, — мягко сказал он. — Вот настоящая слабость. Вы все так привязаны к оболочкам. К лицам. К крови. К именам. Генерал, вы пять лет ненавидели женщину за лицо, на котором увидели кровь сестры. Теперь готовы защитить другое лицо, потому что вам сказали: это Марина. Как легко вами управлять.

Восточный зал содрогнулся.

На алтаре вспыхнули письмена письма Лиары. Имя Астора Морвейна горело кровавым светом, но свет слабел. Дверь питалась спором. Сомнением. Желанием доказать, кто настоящий.

Марина вдруг поняла это.

Безликий не нападал, потому что ему не нужен был меч. Ему нужно было, чтобы они сами разорвали друг друга недоверием.

— Райнар, — сказала она тихо. — Не слушайте лицо. Слушайте поступки.

Другая Марина рассмеялась.

— Какие поступки? Ты спасла ребёнка, потому что не умеешь иначе. Это рефлекс, доктор. У тебя всегда был ком-

плекс бога на дешёвой зарплате.

Марина застыла.

Эти слова были её. Не произнесённые когда-то — подуманные. В самую тяжёлую ночь после смерти Сашки. Тогда она сидела в ординаторской, смотрела на свои руки и думала: комплекс бога, Орлова? Ну что, бог, не получилось?

Безликий залез глубже, чем она думала.

— Он читает меня, — прошептала она.

— Конечно читаю, — ответила другая Марина. — Ты же открыла дверь, когда умерла. Ты оставила во мне столько боли, что я мог бы кормиться годами.

Райнар перевёл взгляд на Марину.

— Как его закрыть?

— Не знаю.

— Знаешь, — сказала другая. — Просто боишься.

В этот момент за спиной, у входа в зал, раздался детский голос:

— Она не боится. Она злится.

Марина резко обернулась.

У пролома в стене стоял Ноэль.

В ночной рубашке, босой, бледный как воск. Лисса, видимо, не смогла удержать его или — что вероятнее — мальчик нашёл способ обойти всех, потому что в руках он держал обожжённого деревянного дракона. Того самого, со сломанным крылом.

— Ноэль! — Райнар побледнел. — Назад!

— Нет, — сказал мальчик.

Голос его дрожал. Но он стоял.

Безликий повернул к нему лицо Марины.

— Маленький ключ пришёл сам. Как удобно.

Марина бросилась к Ноэлю, но тьма с пола метнулась быстрее. Чёрные нити поднялись вокруг мальчика клеткой. Он вскрикнул, деревянный дракон выпал из его руки и покатился по камню.

Райнар взревел и ударил мечом.

Золотое пламя рассекло часть нитей, но остальные сжались плотнее. Ноэль упал на колени, хватая воздух.

— Не огнём! — крикнула Марина. — Он этого ждёт!

— Тогда что?!

Она смотрела на мальчика, на Безликого в своём лице, на дверь, на горящее имя Астора. Всё было слишком быстро. Слишком много крови, вины и чужих тел.

Вспомни свою настоящую смерть.

Элиана сказала это не для боли.

Для ключа.

Марина закрыла глаза.

Дождь. Фары. Скользящий асфальт. Она возвращалась после смены, несла медицинскую сумку, в телефоне мигал пропущенный от сестры. Машина вылетела из темноты. За рулём — её лицо. Нет. Не совсем. Лицо менялось. Сначала её. Потом Сашки. Потом мужчины, которого она не спасла в феврале. Потом матери, умершей десять лет назад.

Безликий не просто сбил её.

Он показал ей всех, кого она не смогла удержать.

И она шагнула навстречу фарам не потому, что не успела отпрыгнуть.

А потому что на миг поверила: должна ответить.

Марина открыла глаза.

— Ты не убил меня, — сказала она.

Безликий склонил голову.

— Неужели?

— Я сама остановилась.

В зале стало тихо.

Даже Ноэль перестал хрипеть.

Марина сделала шаг к своему настоящему телу.

— Ты показал мне вину. А я приняла её за приговор. Вот и всё твоё чудо.

Улыбка на лице другой Марины стала тоньше.

— Осторожно, доктор.

— Нет. Хватит. Я не бог. Не палач. Не должница всех мёртвых. Я врач. Я пыталась. Иногда не смогла. Иногда опоздала. Иногда ошиблась. Но это не делает меня дверью для тебя.

С каждым словом алый свет на её пустом пальце становился ярче. Не кольцо — шрам от кольца. Место, где замок больше не был металлом, а стал выбором.

Безликий отступил на шаг.

Впервые.

Райнар увидел это.

— Марина...

— Не мешайте.

— Я не собирался.

— Вы собирались.

— Да.

И в этом коротком признании было больше поддержки, чем в любой красивой речи.

Марина подошла к своему телу почти вплотную.

Они стояли лицом к лицу: женщина в платье Элианы и женщина в куртке скорой помощи. Чужая жизнь и прежняя. Две смерти, две вины, одна душа — и тварь, которая пыталась доказать, что человек есть только то, что он потерял.

— Верни мне тело, — сказал Безликий уже без улыбки.

— Оно мертво.

— Оно дышит.

— Нет. Ты заставляешь его двигаться, как маску.

Чёрные глаза сузились.

— А это? — Он ударил себя кулаком в грудь. — Это сердце. Твоё сердце.

Марина почувствовала боль.

Настоящую. Где-то далеко, в другом мире, остаток её тела, может быть, и правда ещё бился. Но теперь она понимала: жизнь — это не биология. Не пульс на мониторе. Не оболочка, которую можно занять, украсть, вернуть.

Жизнь — это выбор, за который потом отвечаешь.

— Моё сердце здесь, — сказала она.

Безликий посмотрел на Райнара. Потом на Ноэля.

— Как трогательно. Ты выбрала чужих.

— Нет. Я выбрала себя. Впервые.

И ударила ладонью по груди своего настоящего тела.

Не кулаком. Не силой.

Шрам от кольца вспыхнул белым. Свет вошёл в куртку скорой помощи, в кожу, в кровь, в ту пустую оболочку, которая всё ещё носила имя Марины Орловой.

Безликий закричал её голосом.

Тело выгнулось. Чёрные глаза стали серыми на одно мгновение — её серыми, усталыми, живыми. Марина увидела себя так, как никогда не видела в зеркале: не сильной, не спасительницей, не виноватой. Просто женщиной, которая очень устала умирать.

— Прости, — прошептала она себе.

И свет разорвал тело на дождь.

Не на кровь, не на пепел. На капли. Тёплый летний дождь посреди ледяного восточного зала. Он упал на чёрный камень, на алтарь, на письмо Лиары, на лицо Райнара, на руки Ноэля.

Чёрные нити вокруг мальчика рассыпались.

Ноэль рухнул вперёд, и Райнар успел подхватить его.

Безликий больше не носил лицо Марины.

Теперь перед ними стояло нечто без кожи и имени. Высокая тень, внутри которой шевелились тысячи черт. Оно дро-

жало от ярости.

— Ты думаешь, победила? — прошипело оно множеством голосов. — Ты всего лишь отказалась от двери домой.

Марина покачнулась.

Райнар, удерживая Ноэля одной рукой, другой поймал её за плечо.

— А ты, — сказала она тени, — всего лишь потерял моё лицо.

На алтаре письмо Лиары вспыхнуло ярче. Имя Астора Морвейна поднялось в воздух огненными буквами.

Райнар протянул меч Марине.

— Скажите, что делать.

Она посмотрела на клинок. На его руку. На ребёнка, живого у его плеча.

И вдруг поняла.

— Не мне.

Райнар нахмурился.

— Что?

— Это долг Морвейнов. Не мой. Первый пригласил его. Последний должен отказать.

Ноэль слабо поднял голову.

— Я?

— Нет! — резко сказал Райнар.

Марина опустилась перед мальчиком на колени.

— Ты не должен сражаться. Ты должен сказать нет.

Безликий засмеялся.

— Ребёнок? Вы ставите замок на ребёнка?

Ноэль смотрел на тень. Губы его дрожали. Он был слаб, испуган, измучен ядом и мёртвыми голосами. Но всё же поднял подбородок.

— Меня зовут Ноэль Райнаров Морвейн, — сказал он тихо. — Я третий наследник.

Тень застыла.

Райнар крепче обнял сына.

Ноэль продолжил:

— Я слышал тебя во сне. Ты обещал, что мама вернётся. Что отец перестанет бояться. Что я стану сильным и больше не буду болеть.

Безликий стал выше.

— И я могу дать это.

— Нет, — сказал Ноэль.

Одно слово.

Слабое. Детское. Почти неслышное.

Но чёрная дверь застонала, как раненый зверь.

— Я не хочу силу, за которую кто-то другой платит жизнью, — сказал мальчик. — Я отказываюсь от договора Астора Морвейна. За себя. За отца. За тех, кого ты носишь вместо лица.

Имя Астора вспыхнуло белым.

Райнар положил ладонь на плечо сына.

— Я, Райнар Морвейн, отказываюсь от наследия первого предателя.

Марина почувствовала, как воздух в зале разрывается.
Безликий кинулся к ним.

И тут из письма Лиары вырвался золотой огонь. Не пламя Райнара — мягче, светлее, почти смех. На миг в центре зала появилась Лиара, молодая, с мечом у бедра и той самой дерзкой улыбкой с портрета.

— Давно пора, братец, — сказала она.

И ударила Безликого в сердце именем мёртвого отца.

Тень взорвалась.

Марину отбросило к алтарю. Она ударилась спиной, в глазах потемнело. Сквозь звон в ушах она услышала крик Райнара, плач Ноэля, треск двери.

Когда зрение вернулось, восточная дверь была закрыта.

На её гладкой поверхности больше не было углубления под кольцо.

Только отпечаток ладони.

Маленькой детской ладони.

Ноэль стоял перед дверью, едва держась на ногах. Райнар поддерживал его, бледный как смерть. Лиара исчезла. Письмо стало белым пеплом.

Марина сделала шаг к ним.

И вдруг дверь заговорила.

Не голосом Безликого.

Голосом Элианы.

— Спасибо, Марина.

Марина остановилась.

На чёрной поверхности проступили слова:
Один договор расторгнут.

Но первый предатель был не один.
Райнар медленно повернулся к ней.

Снизу, из-под камней восточного зала, донёсся далёкий гул.

Словно под замком Морвейн просыпался не один голос.
А целый хор.

И среди этих голосов Марина вдруг услышала свою сестру из прежнего мира:

— Марина? Ты меня слышишь?

Дверь дрогнула.

На её поверхности появился новый отпечаток.

Человеческая ладонь.

Изнутри.

Глава 10. Ладонь изнутри

— Марина? Ты меня слышишь?

Голос сестры был тихим.

Не из воздуха. Не из памяти. Он шёл из чёрной двери — той самой, которая ещё минуту назад держала Безликого, мёртвый договор рода Морвейн и тьму, голодную до чужих лиц.

Марина стояла посреди восточного зала, не чувствуя ни холода, ни боли в спине после удара об алтарь.

Она слышала Лену.

Живую.

Настоящую.

И это было хуже, чем если бы дверь снова заговорила голосом чудовища.

— Марина? — повторил голос. — Пожалуйста... если ты где-то есть...

Райнар шагнул к ней первым. Не резко, не приказывая, а так, будто боялся спугнуть. Его рука легла на её плечо.

— Это может быть ловушка.

Марина медленно повернула к нему голову.

— Я знаю.

Но знание ничего не меняло.

Голос сестры прошёл сквозь неё насквозь. В нём было всё, что осталось в том мире: маленькая кухня с облупленной

плиткой, Лена в растянутом свитере, детские рисунки на холодильнике, Сашкин смех, потом его пустая комната, потом похороны, после которых они с сестрой разучились говорить без вины.

Марина сделала шаг к двери.

Райнар удержал её.

Не грубо. Но крепко.

— Нет.

Она посмотрела на его пальцы на своём плече.

— Вы снова начинаете с приказа?

— Да.

— Плохо учитесь, генерал.

— Когда человек идёт к двери, из-за которой только что вышла тварь в его собственном лице, я позволяю себе быть плохим учеником.

Ноэль, стоявший у двери, пошатнулся. Райнар сразу отпустил Марину и подхватил сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.